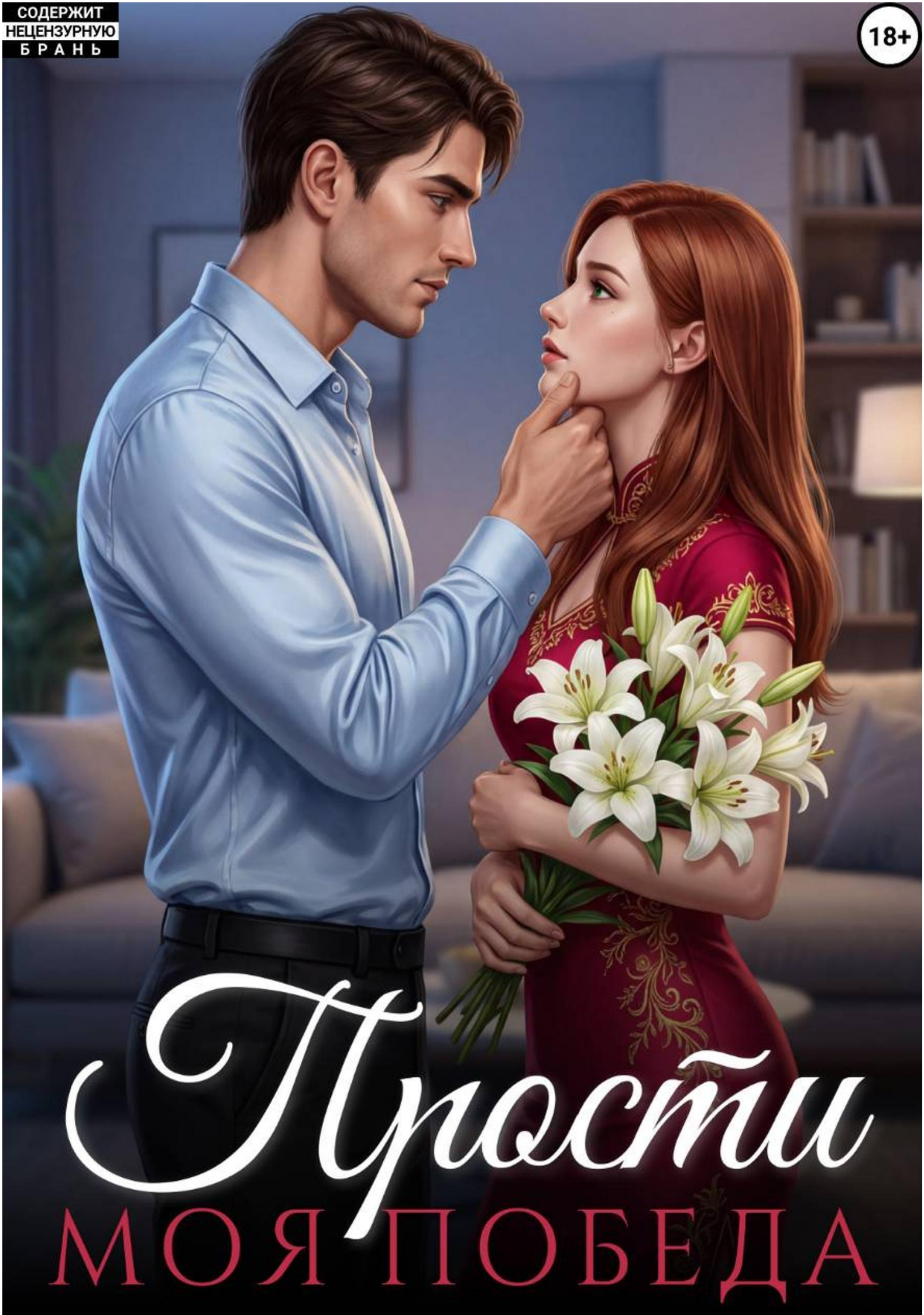

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Прости
МОЯ ПОБЕДА

Рина Сивая

Прости, моя Победа

«Автор»
2026

Сивая Р.

Прости, моя Победа / Р. Сивая — «Автор», 2026

Они были вместе всю жизнь, с самого детства. Их совместное будущее было очевидным, светлым и долгожданным. Но одна внезапная новость — и мнимое предательство заставляет Мирона уйти от той, кого он звал своей Победой. Он не дал объясниться — решил все за двоих. И пропал на три долгих года.Жизнь Вики оказалась разрушенной: все вокруг отвернулись от нее, посчитав предательницей. Родители, друзья. Она не стала бороться — потому что тот, кого она любила больше жизни, ее оставил. Теперь она не живет, а выживает.Но все меняется в тот день, когда Мир возвращается.Он снова рядом — и старая рана открывается вновь. Притяжение никуда не делось, но между ними стена из обид, невысказанных слов и трех лет пустоты. Выслушает ли он ее теперь, или прошлое навсегда разрушило их любовь? И стоило ли ждать, если чьи-то чувства давно мертвы?

© Сивая Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Вика 7
Глава 2. Вика 9
Глава 3. Вика 11
Глава 4. Мирон 13
Глава 5. Вика 16
Глава 6. Мирон 19
Глава 7. Мирон 23
Глава 8. Мирон 28
Глава 9. Вика 34
Глава 10. Мирон 37
Глава 11. Вика 42
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Прости, моя Победа

Пролог

— Мир, прости… я сейчас…

Вика подорвалась с постели и, сверкая голыми пятками, спряталась в ванной. Опять. Только за сегодняшнее утро – уже во второй раз. И пора было признаться: это нихрена не совпадение.

Будем откровенны: становиться отцом в двадцать три в мои планы не входило. Вообще. Совсем. Мы, блин, свадьбу до лета отложили, потому что Ви захотела красивые фоточки с цветущими деревьями! А рожать ребенка вне брака… ну, в современных реалиях это норм, но не в наших семьях.

В наших – это полный зашквар.

Ладно. Ладно. Порушенные планы – это херня. Свадьбу можно сыграть и после родов, а распишемся сейчас, тихо, без шума. Посидим в ресторане только с самыми близкими, кто реально будет за нас рад, а не придет, чтобы набухаться халявным шампунем за дохера бабок. Да, все не так, как мы хотели. Но обстоятельства сложились, как сложились.

Это никак не отменяло того факта, что Вику я люблю, а она любит меня. А если уж наследил, то ответственность я возьму на себя.

С этими мыслями я встал с кровати и натянул трусы, смирившись с тем, что утренний секс мне обломался. Дошел до двери, два раза постучал и, не дождавшись ответа, толкнул ее внутрь.

Моя малышка сидела на коленях, склонившись над унитазом. Ее выворачивало со всеми характерными звуками и запахами кислятины. Будь на месте Вики кто угодно, меня бы тоже стошнило. Но это же моя девчонка – с детского сада моя. Ее я принимал любой, и в горе, и в радости. И в тошноте.

— Эй, малыш.

Я подошел ближе, присел рядом и аккуратно собрал в кулак мягкие рыжие волосы. Ви потянулась за туалетной бумагой, чтобы вытереть рот, и изобразила слабую улыбку.

— Прости, Мир. Кажется, съела что-то не то.

— Угу, неделю уже не тем питаешься, — съехидничал я, погладив большим пальцем ее шею. — Вик, может, хватит страдать херней? Говори уже, какой срок.

Она побледнела, хотя и до этого не отличалась особо цветущим оттенком лица. Ее и без того огромные зеленые глазищи стали размером со стоящую неподалеку ванну.

И в них загорелся страх – самый настоящий ужас.

Глупая, правда думала, что я разозлюсь?

— Давай только без паники, ладно, малыш? — попытался сразу успокоить Ви. В ее состоянии, говорят, вообще нервничать нежелательно. — Знаю, ребенок в наши планы не очень вписывается, но я в целом не против, если так получилось. Потому что я тебя люблю, и его тоже буду…

— Два месяца, — неожиданно перебила меня Вика.

— Что?

— Срок, — еле слышно прошептала моя Победа и повторила: — Два месяца.

— Не понял.

В моей голове перелистывался календарь: стремительно и беспощадно. Но даже если предположить, что Вика ошиблась, обсчиталась или еще что-то, графики все равно не сходились.

Ни два, ни месяц назад меня не то, что в городе – в стране не было. Я вернулся с международной практики всего неделю назад, приперся к ней с цветами и кольцом, которое сейчас блестело на пальце Ви. Опустился на колено прямо на крыльце дома ее родителей и позвал замуж.

Она сказала «да».

И тогда она уже была беременной?

— Прости, Мир, — всхлипнула Вика, и из ее глаз хлынули слезы. — Это… не твой ребенок.

Если бы она сейчас треснула меня чем-то тяжелым по голове, это было бы не так больно, отвечаю. Но ее слова… разорвали мне сердце в клочья.

Я отшатнулся. Рыжие волосы выскользнули из моей руки, рассыпавшись по плечам моей девочки, которая оказалась не моей. А ведь я еще в четыре года заявил, что женюсь на ней. Мои планы никогда не были столь фундаментальны. А ее?

— Мир!

Я не слушал. На негнущихся ногах поднялся и вышел, сам не понимая, куда иду. Мы вместе почти двадцать лет. Двадцать! Всю жизнь, если подумать. Я ни в ком не был так уверен, как в Вике. Я был ее первым. Сука, да я был ее единственным! Точнее, считал, что был.

В башке долбил пульс. Вика что-то говорила, цеплялась за мои руки – я вырывался. Бережно, потому что она, твою мать, беременна! Но! Не! От! Меня!

Мне хотелось выть. Кричать, раздирать грудь ногтями и ломать ребра руками, лишь бы выдернуть глупое сердце, которое корчилось в муках. Моя девочка. Моя малышка. Моя Победа…

Не моя.

Я сам не понял, как оделся. На автопилоте подхватил телефон и ключи от тачки, двинулся к двери. Все это время Вика плакала рядом, касалась меня, но каждое ее прикосновение выворачивало мне кости. А раньше – воспламеняло кровь.

Раньше все было проще. И легче. И приятнее.

— Мирон, пожалуйста! — хныкала она, цепляясь за мое запястье. — Я все объясню!

— Ладно, — кивнул я, бережно отлепляя ее пальцы. На Ви я не смотрел – взгляд скользил мимо нее, специально не позволяя мне раниться еще больнее о человека, который был моей вселенной. — Потом… позже поговорим.

Она, кажется, поверила: дала мне спокойно обуться и выйти из нашей квартиры, которую родители подарили нам на окончание школы – даже они верили, что у нас все всерьез и надолго.

Оказывается, все совсем не так. Все в шутку и не навсегда.

Поэтому я теперь уходил. И возвращаться не собирался.

Глава 1. Вика

Раньше я не любила ни осень, ни весну. Серые тучи, проливные дожди, грязь и сырость вгоняли меня в тоску, и я старалась переждать эти моменты хандры где-то, где тепло и красочно. Бали, Мальдивы, Шри-Ланка. Таиланд. У меня было много любимых мест, где можно спрятаться от увядания природы или дождаться ее расцвета. И много людей, с кем можно было отвлечься.

Последние годы в любое время я пряталась в одиночку в этом кафе с большими панорамными окнами, уютным интерьером в духе старой Англии и вкусным кофе. У меня даже появился любимый столик: в самом углу, на стыке двух улиц. И получалось, что если сидеть спиной к залу, то можно было наблюдать за чужими жизнями, как на киноэкране.

Моя жизнь завершилась три года, десять месяцев и двадцать шесть дней назад. Еще три месяца я делала вид, что это не так, но… даже зомби рано или поздно признают, что они – зомби. Вот и я признала.

Теперь я просто делала вид, что жила. Ходила на работу, гуляла по улицам, пила кофе в кафе. Улыбалась, когда надо, заимела новых друзей, потому что все старые от меня отвернулись. Научилась не плакать, возвращаясь в пустой дом. Завела себе кошку, чтобы было не так одиноко.

Но одиночество все равно душило. А когда я сидела и смотрела в эти окна, было очень легко придумать себе другую жизнь. Более… радужную.

Вон девушка в бежевом тренче неслась куда-то, разговаривая по телефону. На ее месте вполне могла быть я: у меня даже похожая одежда имелась. Я бы так же спешила, потому что все время опаздывала, и обязательно оправдывалась перед тем, кто меня ждал, придумывая нелепые причины. Не застрявший лифт и не переходящую через дорогу бабушку – нет, это слишком банально. Рухнувшее с лестницы пианино, завалившее выход? Перегородившая проезд автовышка, потому что какой-то парень решил сделать оригинальное предложение руки и сердца? Кот, уснувший прямо поверх будильника?

Я улыбнулась и сделала глоток из своей чашки. Да, когда-то давно я бы точно могла такое ляпнуть.

А на другой стороне дороги родители вели под руку маленькую девочку. Она улыбалась во весь рот, демонстрируя прохожим выпавшие зубы, и озорно шлепала по лужам, то и дело получая замечания от взрослых. Ею я тоже могла бы быть, если бы мои родители были чуть проще и гуляли бы по улицам нашего тихого города. Но они предпочитали французские набережные или лазурные побережья, так что я чаще выхаживала по белоснежным пескам и европейским улочкам, чем по городу, в котором прожила всю свою прошлую жизнь.

И доживала нынешнюю.

Мимо левого окна прошла парочка: парень и девушка. Они громко хохотали, никого не стесняясь, как вдруг он остановился, притянул ее к себе и горячо поцеловал, бережно накрывая одной ладонью щеку.

В груди глухо дернулось и заныло сердце. Я отвернулась.

Да, такой я тоже могла быть. И была. Давно. Очень давно.

Кофе перестал казаться таким уж вкусным, поэтому я отставила его в сторону. Бросать то, что не нравится – первое правило, которое я завела себе после того, как моя душа умерла. Терпилой быть я зареклась, даже если это касалось всего лишь напитка.

Подхватив с соседнего стула подарочный пакет, я улыбнулась на прощание официанту и бариста, которые видели меня разной, и поспешила на улицу.

Теперь даже мелкий дождь не портил мне настроение. Просто нечего было портить.

Я медленно шагала по улицам. Оказывается, в пеших прогулках была своя прелесть – раньше, постоянно разъезжая на машинах, я этого не понимала. Да и первое время, оставшись без транспорта, с трудом могла дойти даже до соседнего магазина. А потом… втянулась. Теперь мой день считался прожитым зря, если я прошла меньше пятнадцати тысяч шагов.

Машина у меня тоже имелась – пришлось завести для работы, но вне ее я предпочитала обходиться своими двумя. Особенно если до нужного места было не так далеко.

Через четыре квартала показалась яркая вывеска детского клуба. Знакомая красная Ауди дала понять, что виновник торжества уже на месте, поэтому я заранее нацепила на лицо улыбку. Притворяться – второе правило, которое я освоила блестяще.

— Ви-ви!

Круглощекий карапуз в смешных подтяжках, рубашке и бабочке в цвет брюк заметил меня первым. Я только и успела снять сапоги и пальто, прежде чем подхватить крестника на руки.

— Привет, мой хороший! — расцеловав малыша в обе щеки, я крепко прижала Даню к себе. — Это у тебя, что ли, сегодня день рождения?

— Да! — радостно хлопнув меня ладошками по плечам, ответил счастливый ребенок.

— А я принесла тебе подарок!

Разумеется, вся любовь тут же была забыта, и младший Рождественский поспешил слезть с моих рук, чтобы я вручила ему презент. А дальше… очевидно, что в сражении за внимание двухлетки набору машинок я оглушительно проигрывала.

— Вот вы где!

К нам, спеша на всех парах, неслась Кристина – мама этого сорванца. Мне она вымученно улыбнулась, сразу давая понять: Данька умудрился улизнуть даже от ее внимательного взгляда.

— Привет, — поцеловав меня в щеку, поздоровалась Крис. — День какой-то безумный, ничего не успеваю! Еще и Матвей торт забыл забрать, чуть не прибила его за это!

— Ну, раз его машина здесь, значит, косяк исправлен? — улыбнулась я.

Кристина закатила глаза.

— Ага, конечно! Олега отправил. Будем надеяться, что он не угробит коробку. Иначе я их всех угроблю!

Подхватив на руки не сильно сопротивляющегося сына (а чего бы ему сопротивляться, если все самое ценное он прижимал к своей груди?), Крис повела меня к гостям. Большую часть я знала: ее родители, отец Мота, родная тетя Дани и его друзья из детского сада со своими мамами и папами – мы уже пересекались несколько раз на таких же детских праздниках, устроенных Рождественскими. Не скажу, что меня такие мероприятия радовали, но я не могла отказать своей единственной подруге.

Да и детей я любила. После случившегося – особенно.

Они – моя кара и награда одновременно. За все, что случилось со мной четыре неполных года назад. И что случится после.

Глава 2. Вика

Кристина Рождественская – это маленький мостик между моей старой жизнью и новой. Наверное, мне стоило и с ней прервать общение, когда мой мир разрушился, но я не смогла. Смалодушничала.

Впрочем, Кристина тоже приложила к этому руку: в отличие от всех остальных, даже ее мужа, она никогда меня не осуждала. Просто приняла как данность мое прошлое и жила дальше. Общаясь со мной, как раньше.

Я была ей за это безмерно благодарна. Поэтому, когда она попросила, я стала крестной их с Мотом сына.

И теперь обязана была посещать все дни рождения, утренники и другие семейные мероприятия.

Можно сказать, что так я себя наказывала – обществом людей, которые когда-то знали меня другой. И их тяжелые, откровенно презрительные или даже ненавидящие взгляды были тем самым крестом, который я добровольно на себя взвалила. Каждый их немой укор – как удар тупым концом ножа: не режет, но оставляет синяк где-то под ребрами, где уже не различаешь, душа это болит или просто накопленная усталость.

Зато я понимала, что все еще в состоянии что-то чувствовать. Пусть это всего лишь стыд, разочарование и боль.

Впрочем, кроме Матвея и Олега больше никто не пытал меня чем-то подобным, поэтому я могла даже отвлечься, особенно в компании детей. Вот уж в чьей искренности я ни минуты не сомневалась! А их улыбки дарили то самое тепло, которого мне всегда так не хватало. В арендованном зале пахло конфетти, сладким кремом и пиццой – обычный запах праздника, который почему-то делал одиночество еще острее. Где-то играла беззаботная музыка, смешиваясь с визгами и смехом; я сидела в этом шуме, как в аквариуме – видела все, но оставалась за стеклом.

— Дурдом какой-то, — ворчала Кристина, опускаясь рядом со мной на стул. Праздник шел своим чередом: малышня веселилась, родители – общались между собой, поэтому, несмотря на заявления подруги, я видела, что она довольна. — А Матвей еще заикается про второго ребенка!

Я улыбнулась – правда, очень постаралась. Но, видимо, слишком неестественно улыбка смотрелась на моем лице, раз Крис поспешила сжать мою руку.

— Прости, Вик.

— Все нормально, — привычно соврала я, переводя взгляд на Мота, подкидывающего сына в воздух. Они были счастливы: и отец, и его маленькая копия. — Из вас вышли чудесные родители.

— Да уж, — усмехнулась Крис, оборачиваясь в сторону мужа. — Кто бы мог подумать, что из Мажорчика получится такой крутой папочка.

Раньше, во времена старшей школы и студенчества, наша компания идеально олицетворяла собой выражение «золотая молодежь»: особенно это касалось Матвея, Олега и Андрея. Они редко когда задумывались о последствиях, тратили деньги налево и направо, кутили, выпивали, меняли девчонок, как перчатки.

А потом повзрослели, наверное. Моту помог «денежный детокс» и Кристина, Олег, вероятно, потянулся за другом, а Андрей… он как-то из круга общения выпал, и этому я была рада.

Сейчас это уже не те отвязные парни, которых я помнила. Матвей – добропорядочный семьянин, муж и отец, заместитель отца в их семейном бизнесе. Олег основал свое дело, связанное со спортивными объектами. Серьезные, деловые люди.

Которые все еще позволяли себе быть отвязными детьми в определенных моментах. Как сейчас, например. Или как тогда, много лет назад, когда мы все еще верили, что мир крутится вокруг нас.

— Доставка торта для самого крутого парня города! — раздался громогласный ор на весь зал, и что-то внутри меня на мгновение сжалось – голос был слишком громким, слишком внезапным, будто в тихий сон врезался сигнал тревоги. За три с лишним года я научилась ждать подвоха из любой тишины. Может, поэтому тело среагировало раньше головы.

— О, торт! — тут же подорвался Мот, усаживая сына себе на шею. — Пошли скорее заценим!

Следом за ними потянулась и Кристина. Да и я тоже, не столько из любопытства, сколько из понимания: кроме Крис и Дани мне тут и поговорить особо не с кем. Мы двинулись вдоль столов, обходя стулья и разбросанные игрушки; мимо пронеслась какая-то малышка в пышном платьице, за ней – мама с салфетками. Обычная суета. Ничего, что предвещало бы удар.

— Нихрена себе торт! — вдруг воскликнул Матвей, за что тут же получил от жены подзатыльник.

— Не при ребенке же!

Но было уже поздно.

— Хена, хена! — коверкал новое слово Даниил, заставляя остальных взрослых улыбаться и отводить взгляд.

Я уже выворачивала из-за поворота, как вдруг Кристина, глянув куда-то вперед, резко обернулась и шагнула мне навстречу. Лицо у нее вытянулось – я успела подумать: торт уронили? – и в следующее мгновение она вцепилась в мои предплечья, будто пытаясь оттащить меня от края.

— Вик, клянусь тебе, я ничего не знала! — сжав мои предплечья, проговорила она. В ее глазах светился почти что страх.

— О чем ты? — не поняла я, но одновременно с этим раздался счастливый возглас Матвея:

— Сын, ты только посмотри, кого нам привез дядя Олег! Это же второй папкин лучший друг!

Воздух выбило из легких. Мир поплыл перед глазами – краски расплылись, звуки приглушились, пол качнулся под ногами. Я успела упереться ладонью в стену: штукатурка под пальцами шершавая, холодная – единственная связь с реальностью. Все остальное казалось туманным сном, жутким видением, накрывшим посреди дня.

Я проходила это во время терапии. Я знала, как из таких состояний выбираться – точно знала, ведь однажды уже все это проходила! Но сейчас, оказавшись один на один со своим самым страшным кошмаром и самой желанной мечтой, я… замерла. Застыла. Заледенела?

Еще до того, как широкая фигура шагнула вперед, попадая в зону видимости, я уже понимала, кого перед собой увижу.

Во все времена, начиная со школы, у Матвея Рождественского всегда было ровно два лучших друга. Один – спортсмен и весельчак Олег Устинов. А второй…

Мирон Суворов.

Мой несостоявшийся жених.

И мой палач.

Глава 3. Вика

Я ждала этой встречи три с лишним года. Втайне ото всех, даже от самой себя – ждала. Порой представляла, как все могло бы произойти, а иногда эта столкновение мне даже снилось.

Но реальность не шла ни в какое сравнение с фантазиями.

Меня тошнило. Голова кружилась, пульс зашкаливал, перед глазами все мутнело. Я смотрела в пол и молилась лишь об одном: только бы не упасть. Где-то рядом все еще держала мои руки Кристина, о чем-то спрашивала, но я ее не слышала: в ушах стоял пронзительный звон.

Я ждала этой встречи. И боялась ее до трясучки. Оказывается, не зря.

Внутри нарастал напряженный гул, за которым не было слышно ничего. Краем глаза я видела, как склонялась ко мне Кристина, как просила кого-то о чем-то. Она же в итоге и усадила меня на подставленный кем-то стул, чтобы сразу всунуть в руки стакан с водой.

Я глотнула. На автомате. Жидкость без вкуса, запаха и температуры камнем упала в желудок, но не принесла за собой никакого облегчения. Никакой ясности. Ничего.

Только одну мысль: Мир здесь. Мой Мир.

Я не видела его три с половиной года. Как я их прожила? Ведь казалось, что все было вчера: он, я, наша квартира, захлопнутая за его спиной дверь, которая так больше и не отворилась. Мои бесконечные звонки на номер, который никогда не отвечал. Крики в пустоту. Литры пролитых слез. Тонны искусанных ногтей.

Я помнила, как это больно – остаться один на один с ужасом, пожирающим изнутри. Когда некому сказать. Некому пожаловаться. Некому помочь или защитить. Потому что моя непоколебимая стена, моя самая крепкая защита… исчезла. Растворилась в улицах утреннего города.

Чтобы вернуться через три с половиной года ледяным айсбергом.

Мой Мир… уже не мой.

— Вик, Вика! Солнышко, посмотри на меня, ну же! Вика!

Не знаю, как мне удалось сфокусировать взгляд на склонившейся ко мне Кристине. Но я даже сумела распознать охватившее ее после этого облегчение.

А после взор закрыло слезами.

— Крис…

Продолжить не смогла. Да и что бы я ей сказала? Что не хотела портить праздник ее сына? Что сейчас возьму себя в руки? Что все прошло?

За три с лишним года ничего не прошло. И вряд ли когда пройдет.

— Все нормально, — Кристина присела передо мной вприсядку, сжимая мои холодные пальцы. Ее голос звучал настойчиво, почти приказом. — Дыши. Просто дыши. Я тебя не отпущу.

Я дышала. Вдох-выдох. Вдох-выдох. В свое время мне этого очень не хватило – простого человеческого присутствия, и я была искренне благодарна Крис, что хотя бы в этот тяжелый момент она меня не отпускала. И старалась не думать, что где-то там, за ее спиной, в зале продолжалась жизнь: детский смех, голоса взрослых, музыка из колонок. Никто не знал, что у меня только что отключилось сердце, что земля ушла из-под ног. Что я снова – та самая дура, которая три с половиной года назад потеряла все.

— Он не должен был прийти. Я даже не знала, что он в город вернулся! — выдохнула Крис, и в ее голосе прозвучала злость. — Говорила Моту: предупреди Олега, пусть не тащит никого с собой. А они, как всегда, сделали по-своему!

Мне хотелось сказать, что это не важно. Что рано или поздно мы с Мироном все равно бы столкнулись – в одном городе, в одной жизни. Что от судьбы не спрячешься. Но язык не поворачивался. Я только сжала стакан в руке и попыталась не смотреть туда, откуда доносился

знакомый бас. Тот самый. Который когда-то шептал мне на ухо глупости и целовал шею под дождем.

— Вик, — Кристина положила ладошку мне на плечо, заставляя встретиться с ней взглядом. — Если хочешь уйти, я не обижусь, правда. Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Ничего страшного в этом нет. Я скажу, что тебе плохо, и мы выйдем через заднюю дверь. Никто не осудит.

Уйти. Просто встать и уйти. Как когда-то ушел он – не оглядываясь, не прощаясь. Оставить за спиной детские крики, торт, крестника, который уже забыл про меня и вовсю дурачился с папой и дядей Олегом. И с тем, кого называть по имени было слишком больно.

Уйти, как я уходила от презрительных взглядов и оскорблений все эти годы. Сделать вид, что меня не существует, что все их слова пролетали мимо меня, не задевая и не пробивая насквозь и без того израненную душу.

Это было бы так просто.

И так неправильно.

— Нет, — хрипло выдохнула я. Откуда только взялись силы? Наверное, из той самой ямы, в которой я копала себе нору все эти годы. — Я останусь. Я ведь пришла к Дане и к тебе. На остальных мне плевать.

Я снова выдавила лживую улыбку – в этом я мастер. Даже Кристина, хоть и смотрела на меня долго, все-таки на нее купилась: кивнула – один раз, коротко – и поднялась, не отпуская моей руки.

— Тогда пойдем. И помни, что я – рядом. Если надо, выгоню Суворова.

— Не надо. Все в порядке.

Она помогла мне встать. Ноги подкашивались, но я выпрямилась. Отставила стакан. Вдохнула поглубже. И только тогда – впервые за эти бесконечные минуты – позволила себе поднять взгляд туда, где стояли Матвей, Олег и *он*.

Мирон смотрел на меня. Не отводя глаз. Лицо – каменное. В глазах – ни искры того тепла, которое когда-то согревало меня по ночам. Только холод. И что-то еще. Что-то такое, от чего внутри все сворачивалось клубочком и выпускало иголки.

Он должен был знать, что я здесь буду – даже если не следил за моей жизнью, Мот наверняка ему говорил, кто именно стал крестной его сына. И все равно пришел.

Может, именно поэтому Мир и пришел?

Подумала и сама же себя отругала. Что за наивные мысли? Словно я все еще на что-то надеялась.

Взгляд отвела первой. Не потому что слабее. Потому что иначе – рухнула бы на месте, а я зареклась падать. Три года, семь месяцев и двадцать шесть дней назад. Ровно в тот день, когда мой Мир перестал существовать.

— Пошли к детям, — сказала я Крис. — Даня еще не показал мне свои подарки как следует.

И мы пошли. Я – с разбитым сердцем и фальшивой улыбкой. Кристина – сжав мою руку так крепко, будто могла удержать меня от падения в пропасть. Может, и могла.

А где-то за спиной продолжал стоять *он*. Мой несостоявшийся жених. Мой палач. И тот, кого я все еще любила – даже зная, что он давно уже не любил меня.

Глава 4. Мирон

Я давно не испытывал такого желания надавать Олежке по роже. Раньше оно возникало примерно раз в полчаса, но с возрастом и из-за долгой разлуки эмоциональность снизилась. Последний раз мы встречались полгода назад, когда Устинов приезжал ко мне в Линц на выходные. Мы провели два чудесных дня, наполненных дружескими посиделками – как раньше. Почти как раньше.

Поэтому именно Олегу я и сообщил, что возвращаюсь на родину. А он, услышав дату, предложил сделать Матвею «сюрприз».

Пиздец сюрприз. Удался.

Нет, к Рождественскому ноль претензий: он мне реально обрадовался, такую реакцию сыграть невозможно. Да и я по нему скучал, все же наше неразлучное трио – самая крепкая мужская дружба, которую я когда-либо видел. Мы через все прошли: и ментовку по малолетке, и взросление, и даже разлуку. И Мот, и Олег до сих пор оставались моими лучшими друзьями, и я был рад, что мы наконец-то снова сможем проводить друг с другом время, как раньше.

Но я не думал, что пресловутое «как раньше» настигнет меня сразу же, как я переступлю порог детского праздника.

Возможно, стоило точнее формулировать запросы во вселенную, чтобы наша компания ограничилась только тремя участниками, ведь во все времена нас было пятеро.

Сейчас – четверо, именно за это и хотелось впечатать кулак в довольную Олеговскую рожу.

Потому что прямо на меня смотрела Виктория Рихтер. Женщина, на которой я собирался жениться.

И которая меня предала.

С того момента, как я покинул нашу квартиру, я ограждал себя ото всякой информации касательно Вики, но все-таки знал, что она стала крестной для Матвеевского сына: Мот сам мне признался по телефону, когда жаловался, что на место второго крестного пришлось брать Олега, а не меня.

— Ее Крис позвала, если что, — предупредил он, но я прекрасно понимал, что сам по себе Матвей бы на такой шаг не решился. Про поступок Вики он знал и всячески меня поддерживал. — Я не мог отказать, Мир.

Я заверил его, что все в порядке – и, клянусь, до этого дня все так и было. Я же не мог представить, что на дне рождения Даниила Рождественского окажется его крестная!

Точнее, я просто не задумывался об этом – у меня-то детей не было, я был далек от всей этой темы. А Олег, скотина, мог и предупредить!

Но, судя по его вытянувшемуся лицу, он тоже нихрена об этом не подумал.

Конечно, я предполагал, что нам с Рихтер рано или поздно придется встретиться – все-таки, как ни крути, один круг общения. Но я считал, что у меня будет время подготовиться. Может, даже собрать какую-то информацию. Верил, что у меня появиться возможность самому выбрать время и место.

Но не вот так: когда я только с самолета, обнадеженный встречей с лучшим другом и его сыном, которого я видел только по видео и фото.

А в итоге не видел никого, кроме девчонки с рыжими волосами и изумрудными глазищами.

Меня как колпаком накрыло: звуки отсеклись, кислород закончился, от этого – и сердце остановилось. Я словно снова очутился там: в нашей ванной, наедине с девушкой, которой мечтал подарить свою фамилию. Снова почувствовал это: как на грудь давило, а в голове –

полный вакуум. И боль, да. Мне снова было больно, как тогда, три с половиной года назад, когда моя невеста заявила, что беременна не от меня.

Я видел, как краски схлынули с лица Вики – очевидно, она тоже не ждала этой встречи. Но вместо объяснимого и логичного в данных обстоятельствах удовлетворения, что страдал не один, я испытал ничем не обоснованный порыв рвануть к ней. Придержать, когда она оступилась. Поднести стакан воды. Прижать к себе за плечи и… не отпускать.

Я отвернулся. Так уж случилось, что в сторону Олега.

— Какого черта ты мне не сказал? — прошипел я. Мне нужно было скинуть на кого-то злость, возникшую из-за собственных странных желаний, и я не придумал ничего лучше, чем сорваться на Устинова.

— Черт, Мир, сорян! — он поднял ладошки перед собой. — Я не подумал, что она здесь будет!

— Вообще-то, она ни одного праздника не пропустила, — выдохнул Матвей, глядя на то, как его жена кружилась вокруг Вики. — Так, пирожок. Иди-ка поиграй с гостями.

Мот стащил сына с шеи и поставил его на ноги – тот тут же рванул по своим детским делам. Удивительно, просто копия Рождественского.

А ведь рядом с ним мог бы бегать и мой сын.

Эту мысль я безжалостно изгнал из своего сознания. Заводить детей мне было решительно не от кого. Да и желания больше не возникало.

— Мир, — Матвей положил мне руку на плечо и отвел чуть в сторону, чтобы ни я, ни Вика друг друга не видели. Только в этот момент я понял, что так и не отрывал глаз от рыжей макушки. — Я понимаю, что ситуация стремная. Но Рихтер в любом случае я не выгоню. И не просто потому, что она – подружка Крис. Данька ее обожает, я не хочу сыну портить праздник.

— Предлагаешь мне самоустраниться? — усмехнулся я.

Вообще-то, не такой плохой вариант. Я бы и сам предпочел встретиться с Матвеем и Олегом в какой-то более располагающей для этого обстановке: чтобы только мы, бутылка алкоголя и приглушенный свет. И зачем вообще повелся на уговоры Олежки?

— Нет, ты что? — кажется, Рождественского мое предложение задело. — Если присутствие Вики для тебя не проблема.

— Не проблема, — легко соврал я, отправляя собственные ощущения куда подальше. — Если ты переживаешь, что я собираюсь устроить выяснение отношений – то расслабься. Мы теперь посторонние люди, нам нечего обсуждать.

Мот посмотрел на меня с сомнением, но все-таки сжал сильнее мое плечо и улыбнулся.

— Черт, Мир. Я так рад тебя видеть!

Рождественский дернул меня вперед и крепко обнял. Вот такой встречи я и ждал изначально.

— Взаимно!

Я ответил на объятия со всем чувством и тоской, скопленной за последние годы. Только ради этого стоило вернуться.

— Тогда пошли, по-нормальному познакомлю с сыном.

Дальше утренник пошел своим чередом: я познакомился с Даниилом Матвеевичем и вручил ему купленную в аэропорту игрушку. Парнишка отнесся ко мне с недоверием, но я верил, что со временем это исправится.

Дети бесились. Взрослые – общались между собой. Я – только с Олегом и Матвеем, но перекинулся парой фраз и с Рождественским-старшим. Мы устроились на углу длинного стола, подальше ото всех, и это было хорошим вариантом.

Но никак не мешало мне с легкостью находить рыжую девчонку в толпе.

Она не изменилась. Вообще. Те же волосы, те же глаза, та же худенькая фигура. Разве что взгляд потускнел, но я списывал это все на обстоятельства. Не знаю, радовался ли я этому. Где-

то в глубине души мне хотелось, чтобы Вика переживала за наш разрыв, и это на ней сказалось. Но я понимал, что поезд ушел. Даже если что-то и было, у моей бывшей имелся вагон времени, чтобы привести себя в форму.

Рихтер ко мне не подходила, за что я был ей благодарен. Она вообще ни к кому не подходила, кроме Кристины, как я успел заметить: все свое внимание уделяла детям. Дане – больше всего, и он отвечал ей взаимностью, но я невольно выискивал другого малыша. Рыжеволосого, но таких не было. Впрочем, он ведь мог быть и в отца?

Я не знаю, зачем себя мучил. Зачем мне знать, как выглядел Викин ребенок? Мальчик или девочка, без понятия. Наверное, надеялся понять, угадать по чертам, с кем именно мне изменяла несостоявшаяся жена.

Но она уделяла одинаковое количество времени ровно каждому из присутствовавших детей.

— Знаешь, для «не проблемы» ты слишком много пялишься на Рихтер, — в какой-то момент заметил Мот, потягивая сок из бумажного стаканчика.

Олежка отправился окучивать кого-то из подружек Кристины, и мы сидели вдвоем, что позволяло нам разговаривать в каком-то уединении.

— Тебе показалось, — легко отбил я, но вместо того, чтобы отвести взгляд, смотрел на то, как Вика держала за ручки какого-то карапуза и вместе с ним вышагивала по залу. Она улыбалась, и это было очень похоже на ту улыбку, которую я помнил.

Если бы не сроки… я бы подумал, что этот малыш – ее. Хотя что бы мешало ей завести второго, верно?

— Нет у нее никого, — ворвался в мое сознание голос Мота.

— В смысле?

Я все-таки обернулся к нему, отрываясь от Рихтер.

— Детей, — пояснил Рождественский. Его лицо было предельно серьезно, что за Матвеем водилось крайне редко: обычно там красовалась наглая улыбка. — Не рожала она. И, насколько я понял, вообще больше не сможет.

Мне было сложно осознать его слова, и я снова перевел взгляд на Вику. Когда я уезжал, она была на втором или третьем месяце беременности. Как она могла не родить?

Но почему-то острее всего отзывались другие слова Мота. Про то, что она больше «не сможет».

— Это как? — все-таки решился я спросить у Рождественского.

Но он лишь пожал плечами.

— Я не знаю подробностей, Мир. Если хочешь, спроси у Крис, она в курсе.

Я посмотрел на его жену, протягивающую Вике стаканчик с соком.

Я бы спросил. Но, кажется, с этой стороны честного ответа я не дождусь.

Женская солидарность, чтоб его. Пофиг. У меня была мужская – и этого хватало.

Я вернулся не для того, чтобы ворошить прошлое. Я здесь ради своего будущего, и Вике Рихтер в нем места не было.

Глава 5. Вика

Я думала, этот день никогда не закончится.

Делать хоть что-то, зная, что на тебя направлены знакомые до боли серые глаза, было невероятно тяжело, но еще тяжелее – останавливать себя и не смотреть в ответ.

Хотя, может, Мирон и не обращал на меня никакого внимания? И все ощущения я просто себе придумала?

В любом случае, я делала все, чтобы между нами было как можно больше пространства.

Не разговаривала с взрослой частью праздника. Не подходила к накрытым столам. Уделяла все свое время имениннику и его друзьям, развлекая их разнесенным напрочь подарками или игрушками, принадлежавшими детской комнате. А когда одна из мамочек откровенно устала выхаживать с только научившимся ходить малышом, я с радостью вызвалась ее заменить.

Я обожала детей. Жаль, что эта мысль догнала меня так поздно.

Маленькие детки – это настоящие ангелы, даже если внутри них сидели неугомонные дьяволята. Все равно они были самыми искренними, самыми честными, самыми настоящими – теми, кто еще не знал о лицемерии, ненависти или предательстве. Если им не нравилось – они это показывали. Если им нравилось – ты не могла этого не заметить. Они не прятали своих чувств, даря улыбки или слезы именно в тот момент, когда сами считали это нужным.

Жаль, что однажды они вырастут и забудут об этом, став одними из тех взрослых, кто сейчас демонстративно делал вид, будто меня вовсе не существовало.

Когда Даня начал капризничать и сонно потирать глазки, я выдохнула с облегчением. Всего два часа прошло, а казалось, что я провела полжизни в камере строгого режима, где за каждый неверный шаг или взгляд тебя ждало наказание. Поэтому, когда Кристина подхватила сына на руки, я почувствовала себя освободившейся и, поцеловав малыша в пухлую щеку, попрощалась с его матерью.

Больше – ни с кем. Ускользнула тихо и незаметно, пока Крис с сыном объясняла что-то гостям.

На улице вздохнуть полной грудью смогла только тогда, когда удалилась от места проведения праздника на два квартала. И с каждым шагом, что увеличивал расстояние между мной и Мироном, идти становилось будто бы легче.

Но сердце сжималось будто бы сильнее.

Я шла по улицам, не разбирая направления. Где-то в голове стучала одна и та же мысль: мы столкнулись. Наконец-то. После трех с лишним лет ожидания и страха. И что теперь?

Теперь – ничего. Праздник закончился. Я ушла. Он остался. Мы разошлись в разные стороны, как и должны были когда-то. Но город-то один. И общие друзья – те же самые.

Неужели каждый раз, когда Крис позовет меня в гости, я буду замирать у порога, не зная, кто за дверью? Или, наоборот, откажусь – и потеряю единственную подругу, единственного крестника, последний кусочек нормальной жизни? А может, Мирон сам перестанет ходить на семейные мероприятия Рождественских – из-за меня? Тогда я окажусь виноватой и перед Мотом, и перед Кристиной. Снова виноватой.

Я прикусила губу и ускорила шаг. Мелкий дождь оседал на волосах, но мне было все равно. Хуже всего было то, что я не знала, чего боялась больше: следующих встреч или того, что их не будет. Потому что видеть Мирона – невыносимо, а жить в одном городе и никогда не пересекаться – значит признать, что мы навсегда чужие. Пока он жил в другой стране, было просто обнадеживать себя мыслями, что между нами еще что-то оставалось. Сейчас, посмотрев в его пустые глаза, я чувствовала, как в мое сердце снова втыкали ножи.

Мы давно чужие, напоминала я себе. Уже почти четыре года.

Население нашего города – неполные полтора миллиона. Каковы шансы встретиться еще раз? Мизерные, если подумать. И если вычесть из уравнения Рождественских как единственную ниточку, что связывала меня с Суворовым. А с другой стороны, как теперь не думать о том, что где-то по тем же улицам ходит мой Мир? Как не искать его в толпе? Не замирать, увидев кого-то похожего в магазине или кафе.

А как пережить, если он вдруг окажется… не один?

Я закрыла глаза. Дождь стекал по лицу – или это были слезы, не разберешь. Три года прошло, Вика, и шесть с лишним месяцев. Логично, что за это время у Мирона кто-то появился. Может, он давно уже женат? Имеет детей? Счастлив со своей новой семьей?

А ты – одна. И навсегда теперь будешь одна.

Я шмыгнула носом и стерла воду с лица запястьем. У меня была Крис. И Даня. И девочки с работы, с которыми у нас хорошие приятельские отношения, несмотря на разницу в возрасте, достатке и рангах. Мы иногда ходим вместе в бар, а наши корпоративы больше похожи на семейные застолья.

А еще Маркиза, моя кошка. Она – та, кто во мне нуждался, хоть и строила из себя королевну, которой на всех плевать.

Мы с ней встретились случайно, но именно тогда, когда были больше всего друг другу нужны. Тогда тоже была весна – правда, намного теплее. Но дождь лил как из ведра, застилая взор и заливаясь в кроссовки.

Я тащилась из магазина, прижимая к себе пачку с хлопьями – это единственное, на что мне хватило последних денег. На что жить завтра, я не знала, как и того, зачем вообще мне жить. И тут вдруг – она. Сидела перед лавкой, такая мокрая, подранная, с разорванным ухом и заплывшим глазом, из которого сочился гной.

Я смотрела на нее и видела себя: такую же побитую, брошенную, с гнилым нутром. Поэтому, наверное, и опустилась на корточки, чтобы хоть как-то поддержать.

А кошка подошла ко мне, уткнулась головой в коленку и замерла.

Отпустить ее я не смогла: так и плелась домой, держа в одной руке коробку, а в другой – животное, которое и не думало вырываться. В ванной я попыталась отмыть ей глаз, но моя новая питомица не далась. Зато легко позволила обработать ухо найденным в холодильнике хлоргексидином. Но я понимала, что этого недостаточно, а на ветеринарку у меня не было средств.

Пока я рассуждала, что можно было безболезненно продать, чтобы вылечить кошачий глаз, новоявленная сожительница прошлась по квартире, свернула в спальню и, недолго думая, забралась на кровать и улеглась прямо на подушку.

Как маркиза какая-то, подумала я, и с именем вопрос был решен.

Помню, как стояла и смотрела на серый комок, и думала, что без чужой помощи она бы вряд ли выжила. Но она приняла мою, и теперь у нее был шанс. Может, и у меня получится?

Тогда я позвонила единственному человеку, который эту помощь предлагал. И ни разу об этом не пожалела.

Но как нам общаться с ним сейчас, когда его сын вернулся?

Моя выверенная, распределенная жизнь снова оборачивалась зыбучим песком, и я не знала, как в ней выживать.

Вернулась домой на автопилоте. Поднялась на лифте, застыла перед дверью, которая теперь снова напоминала портал в прошлое. Трясущимися руками открыла.

Все точно так же, как было три с половиной года назад. Только сидящая посреди коридора Маркиза доказывала, что происходящее – реальность, а не очередной флешбэк.

Поняв, что я вернулась окончательно, кошка махнула хвостом и вернулась на свое излюбленное место – на подушку в постели. Я пыталась приучить ее спать в кресле, на диване, на

специальной лежанке. Бесполезно: Маркиза признавала только мою постель, которая с ее присутствием стала не такой пустой.

Сняв плащ, я пошла следом. Не раздеваясь, легла поверх одеяла и притянула к себе пушистую подружку. Маркиза недовольно повозилась, но покорно устроилась у меня под боком, тихонько замурлыкав.

Дети и животные – два самых ярких примера абсолютной любви, которые я узнала лишь тогда, когда все потеряла. И теперь через них пыталась заполнить пустоту в груди, но та никак не хотела заполняться.

Завтра, уговаривала я себя, глотая тихие слезы. Завтра станет лучше. Я забуду о том, что Мирон вернулся. Не буду вспоминать его ледяной, лишенный эмоций взгляд. Снова стану той Викой, которой была последние два года.

И все у меня снова будет если не хорошо, то хотя бы стабильно.

А пока – мягкая кошка, тихое мурчание и горькие слезы. И завтра, в которое я верила.

Но, как оказалось, очень зря.

Глава 6. Мирон

— Рад, что ты вернулся!

Отцовское рукопожатие – крепкое, улыбка – искренняя. Но при этом мы оба понимали, что варианта «не вернуться» у меня просто не было.

Мой контракт с австрийской фирмой подходил к концу, а новый мне предлагать не спешили. Не потому что я плохой или у них проблемы – просто так сложилось. Все было хорошо, но в рамках бизнеса им более выгоден другой вариант. Это нормально, никаких обид или негатива у нас друг к другу не осталось. Я бы вполне мог найти себе пристанище в другой европейской фирме, но смысл, если отец предлагал тепленькое место с возможностью карьерного роста до генерального директора в ближайшие пару лет?

Мой старик собрался на пенсию. Имел полное право – почти сорок лет угробил на свое детище: инвестиционную компанию. Он всегда мечтал о семейном бизнесе, поэтому я с детства слушал заверения в том, что однажды директорское кресло отойдет мне. Видимо, время пришло.

Поэтому вчера я высиживал на семейном празднике Рождественских, а сегодня – обсуждал с отцом свои служебные обязанности.

— Когда готов приступить? — спрашивал Андрей Геннадиевич, когда с разговорами по существу было закончено.

— Завтра. Сегодня решу вопрос с квартирой и смогу целиком сосредоточиться на делах.

— Вполне мог бы пожить у нас, — ворчал папа, провожая меня до выхода из своего кабинета.

— Мог, — подтвердил я. — Но я лет десять назад вышел из того возраста, когда жить с родителями считалось нормой.

Я съехал от них сразу после окончания школы. Сначала отец снимал мне квартиру, потом – подарил двушку в новостройке. Половина той хаты до сих пор принадлежала мне, но я упорно делал вид, что забыл об этом.

Все, что связано с рыжей Рихтер, для меня кануло в небытие.

Пока я остановился у Олега, но еще до вылета присмотрел несколько вариантов для съема. Оставалось только глянуть их живьем, подписать документы и въезжать – а с моим количеством вещей это сделать вообще не сложно.

— Вечером заедешь?

Я кивнул. Увидеть маму хотелось, да и с отцом поговорить в более неформальной обстановке было бы неплохо.

Но я согласился раньше, чем услышал продолжение:

— Генрих и Марина тоже будут, очень хотели тебя увидеть!

Не скривился каким-то чудом. Только Рихтеров мне не хватало для полного счастья! Хотя их визит и не удивлял: они дружили с предками еще до моего рождения. От этого, пожалуй, и пошли все проблемы.

Не будь между ними такой дружбы, не было бы у нас с Викой таких отношений. И не закончились бы они… так.

— Буду после семи, — подтвердил я и, получив в спину одушевленное «Будем ждать», поехал на встречу с риэлтором.

Если бы не необходимость забрать тачку из родительского гаража, я бы отложил сегодняшний визит на как можно более дальний срок. Но арендные машины меня бесили, даже если они относились к бизнес-классу.

Впрочем, меня теперь многое бесило.

Слякоть на дорогах. Лужи на тротуарах. Неторопливые пешеходы, длинные светофоры, тупые водители. Раздражительность – мой постоянный спутник по жизни последние три с лишним года. Но почему-то в родном городе она становилась острее.

Слава богу, риэлтором оказался нормальный мужик – я такого и искал. Бабам не доверял: они, почуяв только бабки, тут же распускали хвосты и занимались вовсе не тем, для чего их наняли. А этот улыбался исключительно вежливо, болтал по делу и умудрился подобрать именно те варианты, которые соответствовали моим требованиям.

Мы посмотрели с ним четыре квартиры, после – пообедали в ресторане и обсудили детали договора аренды. Долгосрочная мне была не нужна: я планировал все-таки обзавестись собственным жильем, а не жить в чужом. С этим Алексей тоже вызвался помочь: выслушал пожелания, которые не сильно отличались от текущих, и обещал накидать вариантов к концу недели. Я попросил не спешить, потому что пока мне было, чем заняться, и мы поехали смотреть еще пару студий.

В итоге к вечеру у меня в руках были подписанные бумаги и ключи от просторной квартиры в новеньком ЖК. От офиса далеко, но при наличии машины – не существенно. Главное – добротный ремонт, не затасканная, свежая мебель, тихие соседи. Остальное вполне терпимо.

— Еще раз с новосельем, Мирон Андреевич, — пожал мне руку риэлтор, когда мы уже прощались у машин.

Задерживаться в новом доме я не стал – мне еще до родительского за городом по всем пробкам добираться.

— Спасибо, — поблагодарил я, но вдруг вспомнил, что в гости с пустыми руками ездить неприлично, и поинтересовался: — Алексей, не знаете случайно, где можно нормальный букет цветов купить? Такой, чтобы матери презентовать не стыдно было.

— О, это вам в «Вирон» надо! — тут же расплылся в улыбке мужик. — Там что ни композиция – произведение искусства. Правда, и стоимость соответствующая…

— Деньги – не проблема, — сразу же отрезал я, хотя он и без меня должен был это понимать. Я ему только что дохрена бабок в качестве комиссии отвесил.

— Тогда точно туда, — уверенно заявил Алексей. — У них несколько бутиков по городу, но я советую центральный, там есть девушка, собирает космические букеты. Скину вам адрес, если хотите.

Я хотел, и уже через пять минут навигатор формировал мне маршрут. Повезло: практически по пути.

Пробки, пробки. Вечный гул двигателей, возмущенные сигналы, мат. Дом, милый дом. К моменту, когда дорога привела меня к обозначенному зданию, я уже рад был отдохнуть от вождения. Все-таки после европейских дорог привыкать к нашим предстояло долго. Возможно, очень долго.

Мимо вывески с вытянутыми буквами «Viron» пройти было сложно: стоило только подойти ближе, и запах цветов заставлял тебя выворачивать голову. Красивое крыльцо, украшенное зелеными растениями – наверняка искусственными, но выглядели как живые. Подсвеченные окна, в которых букеты и игрушки. Вполне типичная цветочка, но сразу чувствовалось: со статусом.

Внутри – просторно и светло, цветы везде: в вазонах, в горшках, на полу, на полках, подвешены к потолку. Представить сложно, сколько времени уходит за всем этим ухаживать. Правда, с такими ценниками у них наверняка был отдельный человек, который протирал кустикам листочки каждый день под музыку Шопена.

Уходить было поздно, да и тащиться куда-то еще не хотелось, поэтому я упрямо пер к стойке в конце зала. Спускать круглую сумму на веник я считал глупостью, но если матери понравится – я даже не расстроюсь. Она у меня женщина сложная, угодить ей – та еще задача.

В зале никого не было. Тишина, нарушаемая лишь тихим жужжанием холодильников для цветов и едва слышной музыкой из колонок. Я постоял у стойки секунду, другую – никто не выходил. Постучал костяшками по столешнице.

Где-то внутри, за шторкой, отделявшей помещение от служебной зоны, раздалось копошение. Миг – и занавеска рванула в сторону, одновременно с вежливым:

— Добро пожаловать в…

Изумрудные глаза врезались в меня и тут же заледенели. Рыжие косички по обе стороны от лица. Худая фигура за брендированным фартуком.

Вика, чтоб ее, Рихтер.

Это какой-то гребанный сюр. Дважды за два дня встретиться вот так с человеком, которого ты больше всего хотел бы никогда в жизни не видеть? Меня прокляли? Или что? В этом городе полтора миллиона человек, почему везде – она?!

Вика стояла и смотрела на меня с выражением то ли шока, то ли паники на лице. Бледная, потерянная. Я и себя таким чувствовал, но старался держать лицо, а у Вики с этим всегда были проблемы. Слишком она эмоциональная.

— Привет, — поздоровался только потому, что дальше стоять и тупить было уже неловко.

— Здравствуй.

Она наконец-то отмерла и шагнула вперед, укладывая на стойку целую охапку белых роз – я только сейчас заметил, что все это время Рихтер держала цветы в руках. Отметил, что положила аккуратно, заботливо поправив крайние бутоны. Трогательно как.

Я почти силой заставил себя отвести взгляд от подрагивающих пальцев. Не мое дело, с чего вдруг у моей бывшей невесты такая забота о цветах. В нашем прошлом она подобным не страдала, а что было после – мне вовсе неинтересно.

— Ты… хотел что-то? — неуверенно и робко поинтересовалась Вика, откидывая косички себе за плечи.

С этой прической она выглядела лет на десять моложе. Совсем юная, такая миленькая. А если еще улыбнется…

Так, стоп, Мирон! Куда тебя вообще понесло?

— Да. Букет. Для матери, — поспешил ответить и отвернулся к цветам. — Посоветуешь что-нибудь?

Я был уверен, что Вика замнется, засмущается, потеряется. Я бы на ее месте так себя и повел – да я так и вел! Потому что был на ее месте, просто по другую сторону стойки.

А она – нет. Пальцы свои изящные в кулачки сжала на секунду, губы поджала и, выдохнув почти незаметно, двинулась к ближайшему холодильнику.

— Твоей маме нравятся ранункулюсы. У нас как раз есть свежие. Букет или корзину?

Я попытался повторить название – нихрена не вышло, поэтому не сразу сообразил, что Вика ждала от меня ответа.

Она замерла, накрыв ладонью ручку, и повернулась ко мне через плечо.

Где-то внутри снова сбилось с шага глупое сердце. Ви умела выбирать удачные ракурсы, в которых выглядела божественно. Этот – один из них. А еще эти долбанные косички…

Рихтер всегда была красивой. Всегда! Сколько я себя помню, даже с подростковыми прыщами и вся в зеленке от ветрянки, которой мы болели вместе. В школе кто-то за сочетание цвета волос и глаз называл ее ведьмой, за что сразу получал от меня по лицу. Какая из нее ведьма? Она же – нежность в чистом виде.

А внутри этой нежности – отравленный клинок. Об этом тебе, Мирон, думать надо.

— Мир?

Надо собрать мозги в кучу. О чем там она спрашивала?

— Букет.

Вика коротко кивнула и скрылась за стеклянной дверью, а я отвернулся, пытаясь привести мысли и чувства в порядок.

Мне плевать на Рихтер. Я выкинул ее из своей жизни ровно тогда, когда она додумалась лечь под другого мужика. Я прожил без нее три года и семь месяцев. Я переболел, пережил, зализал раны и жил дальше. Да, с доверием теперь проблемы, но это уж как получилось.

У нее – своя жизнь, в которой Вика, вот открытие, работала. Помнится, раньше она вообще не собиралась этого делать: хотела путешествовать и заниматься домом. Я ее поддерживал: знал, что легко смогу ее всем обеспечить. Не от того, что она – белоручка. Просто потому, что моя женщина не должна возвращаться домой загруженная и уставшая.

Возможно, в этом и была моя ошибка? Что дал слишком много свободы?

Но, учитывая прошлые интересы Ви, какой-то странный выбор места для трудовой деятельности. Отец вполне мог записать ее на любую должность в своей фирме, где младшая Рихтер гребла бы деньги лопатой, ничего при этом не делая. С дипломом юриста Вика вообще могла пойти открыть собственную практику: родители точно помогли бы.

Но флористика? Вообще не вязалось.

Неужели так на нее повлияла потеря ребенка?

Эту тему я так и не прояснил для себя, хотя вопрос зудел на подкорке. С Кристиной Рождественской попытался завязать разговор, но как только она поняла, что речь пойдет про Вику, сразу сдала назад.

— Нет-нет, Мир, прости, но тут я – пас, — она даже подняла руки, отгораживаясь от меня. — Она не хочет видеть тебя в своей жизни, и я считаю это правильным решением. Так что держись от нее подальше, вам обоим будет от этого лучше.

«Она не хочет видеть тебя в своей жизни». Можно подумать, я туда рвался!

— Белые или розовые Ирине Викторовне не очень понравятся, поэтому красные, — раздался в стороне знакомый голос, заставивший меня вздрогнуть.

Вика выходила из холодильника, удерживая в руках две огромные охапки каких-то цветов. Очевидно, тащить их ей было тяжело, и я с трудом удержался от желания помочь.

Тормози, Мир. Вы не в тех отношениях. Вы даже не друзья. Вы никогда дружить не умели.

— На твой вкус, — отмахнулся я от всего сразу: и от собственных мыслей, и от возможных вопросов.

Рихтер кивнула, а я… отвернулся. Смотреть на нее, такую близкую и такую далекую, было куда больнее, чем я готов был себе признать.

Держись, Мир. Это просто гребанные цветы. Пикнешь картой и забудешь обо всем.

Пять минут. Пять минут ведь я смогу потерпеть?

Глава 7. Мирон

Я не собирался следить за Рихтер, но в моменте осмотра зала взгляд как-то сам собой соскользнул к стойке, на цветы, инструменты. А после – женские пальцы.

И почему-то там и остался.

Вика работала без слов. Сорвала упаковочную бумагу с рулона, разложила перед собой на мраморной поверхности, затем – один за другим – брала стебли в левую руку, правой выравнивала, поворачивала, прикидывала. Движения четкие, до автоматизма отработанные. Она наклонилась к цветам, и рыжие пряди выпали из косичек, рассыпавшись по щекам – она даже не попыталась откинуть их назад, настолько была сосредоточена на деле. Кончик языка чуть выступал между губами, как в детстве, когда она решала трудную задачку по математике.

Меня это всегда бесило и одновременно умиляло. Сейчас – второе перевесило.

Она добавляла какие-то другие цветочки – мелкие, голубые, – и стебли с зелеными листами. Поворачивала, смотрела со всех сторон, что-то передвигала и продолжала. Словно ритуал какой-то, который понимала только она.

И от которого не мог оторваться я.

Вика обрезала стебли под углом, скрепила лентой, обернула композицию в крафтовую бумагу – один слой, чуть внахлест – еще один, другого цвета. Пальцы скользили по бутонам легко, почти нежно – словно она боялась их повредить. Вика никогда не была такой с цветами. Вообще. У нас дома стояли букеты, которые привозили я или курьеры, и обычно на них никто не обращал внимания. Мы могли неделю не менять воду в вазе и даже не заметить, что розы уже сгнили, пока приходящий клининг не выкидывал их за нас. Но сейчас…

Сейчас Вика едва ли не боготворила растения в своих руках.

Так что же с ней стало за эти годы?

Рихтер выбрала еще одну ленту и проворно скрепила ей композицию. Подняла готовый букет, поправила один лепесток, провела большим пальцем по обертке. Потом – короткий вздох, как у художника, закончившего картину, едва заметная удовлетворенная улыбка и – поворот ко мне. Я не успел отвести взгляд. Наши глаза встретились.

Внутри что-то дернулось. Старое. Теплое. То, что я давно закопал под тоннами злости и обиды.

Раньше мне нравилось просто смотреть на нее. Завтракать в одной кухне, лежать рядом в кровати, пока она листала ленту в телефоне. Слушать, как она напевала под душем. Наблюдать, как она чистила апельсин – аккуратно, спиралью, будто ошибись она – и весь мир рухнет. В такие минуты я чувствовал себя на своем месте. Целым.

И сейчас – черт возьми – я почувствовал то же самое. Тишина, ее руки, ритм дыхания. Гипноз.

Но это неправильно.

Она мне изменила. Она меня предала. Она выбрала другого и вытерла о меня ноги. Я не имел права получать от нее удовольствие – даже такое крошечное, даже невольное. Наблюдение за Викой, это тепло в груди – все это принадлежало другому человеку. Тому Мирону, которого больше не существовало.

— Готово, — произнесла давно уже не моя Победа, опуская букет на стойку ближе ко мне.

— Красиво, — мазанув взглядом по цветам, ответил я и потянулся за телефоном. — Картой оплачу?

— Да, конечно.

Вика заправила вылезшие из прически прядки за ушки, снова становясь девчонкой из моего прошлого, и вытащила откуда-то из-под столешницы терминал. Уверенно ввела сумму – очевидно, делала это неоднократно. Сколько она здесь работала? Явно не пару месяцев.

Она поставила устройство и подвинула ко мне, но смотрела при этом куда-то в сторону. Я решил ответить тем же, поэтому внимательно следил, как с моего счета списалась внушительная сумма.

Охренеть. Я все еще спускал бабки на Рихтер. Словно и не уезжал никуда.

— Чек нужен?

— Нет, спасибо.

— Тебе спасибо, что выбрал «Вирон». Будем рады снова видеть в числе клиентов.

Какой-то странный разговор у нас получался. Вроде бы, вполне соответствующий моменту и обстоятельствам, а все равно с ощущением полного отрыва от реальности. Словно не мы. Не там. Не о том.

Я подхватил букет со стойки – приличный, а ведь Рихтер заложила сюда меньше половины от пачки. Как же она тащила эту махину сама? Она же миниатюрная и худая, в ней сил…

Стоп! Опять не о том.

Я отвернулся, чтобы уйти – самый правильный вариант. Не прощаясь, не продолжая диалог и не задавая вопросов, которые глупое сердце задать очень хотело. Но я уговаривал себя: меня ждали дела. Родители и Рихтеры.

— Черт, — последняя мысль заставила остановиться на полпути.

Если я притащу цветы только для матери, но обделю ее подругу, обе сгнобят меня за столом недовольными взглядами.

Пришлось обернуться.

Другая Рихтер вопросительно приподняла бровь.

— Что-то еще? — ровно поинтересовалась она, аккуратно собирая оставшиеся цветы.

— Да. Нужен еще букет для твоей мамы.

Казалось бы, вполне обычная фраза, правда? Но Вика вздрогнула – настолько внезапно и так заметно, что я невольно нахмурился. Один из стеблей в ее руках переломился, и, кажется, Ви это расстроило.

— Хорошо, — кивнула она, но теперь ее голос звучал в разы глуше и тише. — Пару минут.

Она куда быстрее собрала все, что было разложено на столешнице, вернула в холодильник, а после…

Ушла. Спряталась за той самой занавеской, из-за которой выходила. Спустя пару секунд ко мне вышла другая девушка – улыбчивая и совершенно незнакомая.

— Добрый вечер, чем могу вам помочь?

Я… подзавис. Какого хрена только что произошло? Почему моей матери Вика собрала крутой букет якобы из любимых цветов, а для своей прислала сменщицу?

И почему меня вообще это колышет?

Я повторил требование другой девушке. Она задала кучу раздражающих вопросов: кому дарите, с какой целью, какой возраст, бюджет, повод. Вика работала лучше, на опережение. Такой подход мне нравился больше.

В результате флористка покивала головой и пообещала собрать достойный букет, вытащив несколько вазонов из холодильника. И да, она тоже перекладывала бутоны, осматривала композицию, заворачивала в крафт. А я за ней наблюдал.

Но это как смотреть на работу художника и подражателя: один творил, а второй просто повторял. Возможно, поэтому второй букет обошелся мне гораздо дешевле?

Только всю дорогу до родительского коттеджа я думал вовсе не об этом, а о том, что за неполные четыре года я точно что-то пропустил. И это «что-то» не давало мне покоя.

К моменту, когда передо мной приветливо распахнулись знакомые ворота, все действующие лица были уже в сборе, так что мне пришлось парковаться по принципу «куда приткнешься». Ничего, успокаивал я себя. Сегодня заберу свою малышку, а завтра отцовский водитель вернет это корыто арендодателю. И все, свобода.

Отец встретил на пороге – и очень в тему, потому что от букетов у меня уже отваливались руки. Но отреагировал он на них странно.

— О, смотрю, заезжал в «Вирон»? — усмехнулся старший Суворов, кивая на цветы для матери. — Вика всегда держит ранункулюсы для твоей матери.

— Вика держит? — повторил я, замирая перед открытой дверью.

— Да. Это ее бутик. Не знал?

В очередной раз за этот день я почувствовал себя потерянным в этом мире. В целом, не было ничего удивительного в том, что Рихтер завела себе игрушку – быть владелицей какого-то салона красоты, магазина дизайнерских шмоток или даже цветочки – это очень даже в ее характере. Но самой работать? Да еще и руками?

Я точно в этой вселенной проснулся?

— А она будет? — поинтересовался я, расслышав голоса Рихтеров в глубине дома.

Отец растерял свою улыбку – еще одна странность в копилку.

— Нет. Вики не будет.

Не скажу, что этот факт меня расстроил, скорее наоборот. Вчера было очень не в кайф весь праздник сидеть и делать вид, что мы не знакомы. Повторять то же самое в родном доме мне не хотелось.

В холле привычно пахло домом: этот ни с чем не сравнимый аромат сразу всего – и маминых духов, и клининга, и блюд из доставки. И чего-то еще, присущего только этому месту. Хочешь или нет, а тут начинаешь чувствовать себя иначе. Не таким одиноким. Не таким брошенным. Любимым.

Особенно когда из гостиной выходила мама в своем строгом деловом костюме и приветливо распахивала объятия.

— Мирон, дорогой! Как я скучала!

— Привет, мам!

Моя мама – председатель городского суда, и этим все сказано. Суровая, строгая, часто – безэмоциональная. Но каждое ее слово – взвешенное и обдуманное, поэтому, если она говорила «скучала», значит, действительно это испытывала.

Она обнимала меня за шею и целовала в щеку, ничуть не смущаясь моего высокого роста: во-первых, на ней каблуки, а во-вторых, если Елене Альбертовне что-то нужно, то ее и танком не остановить. А я все равно улыбался, потому что тоже скучал.

— Это тебе!

Мама почти покраснела – этого не видно на коже, но можно считать по глазам, – и приняла букет, тут же зарываясь в него носом.

— Боже, какие красивые! Откуда вы с папой только берете такую красоту в это время года?

Я невольно обернулся на отца. Он тоже улыбнулся, но глаза – холодные. Мама что, не знала, что букет из салона Вики? Серьезно?

И словно в подтверждение моих мыслей папа едва заметно отрицательно махнул головой.

Я начинал чувствовать себя посреди вселенского заговора, не меньше.

— Пойдем скорее, наверняка голодный! — насладившись букетом, мама под руку принялась утаскивать меня дальше. — Я заказала твою любимую утку из «Ла Кларанс». Ты не против?

И зачем спрашивать, если блюда уже расставлены на широком столе?

— Нет, мам. Не против.

В гостиной, совмещенной со столовой, нас, как и предупреждал отец, уже ждали Рихтеры: Генрих и его жена Марина, родители Вики. Они вежливо мне улыбались и выглядели точно такими же, какими я их помнил. Он – чуть полноватый, с аккуратной бородкой и седеющими волосами. Она – олицетворение светской львицы: ухоженная, изящная, миниатюрная и рыжеволосая, из тех женщин, чей возраст без паспорта не угадаешь.

Оба смотрели на меня так, будто перед ними любимый сын.

— Мирон, с возвращением! — первым вперед, как обычно, выступал Генрих Германович и протягивал мне руку, однако только рукопожатием не ограничился, а еще и похлопал меня по спине. — Прекрасно выглядишь! Австрийский воздух пошел тебе на пользу.

Пошло на пользу мне отсутствие вашей дочери. А воздух тут совсем не причем.

— Здравствуй, Мироша, — подплывала следом Марина Григорьевна и по-свойски расцеловывала меня в щеки. — Рада тебя видеть!

От отцовского покашливания я вспомнил про второй букет и сразу же вручил его несостоявшейся теще.

— Это вам, теть Марин.

— Ой, не стоило, — отмахнулась она, но цветы приняла. — Смотрю, ты остался таким же галантным.

Да, остался. Это все влияние Вики: она мне с детства твердила, что приходить на встречу с женщинами без подарка – это дурной тон. Поэтому на свидания с ней я всегда таскал либо шоколадки, либо цветы, либо еще какие-то подарки.

Въелось, видимо, до самых костей.

— Давайте за стол! — тут же принималась командовать мама. — Мирон еще не ужинал.

И сказать бы ей, что я сыт, но госпожу Суворову это все равно не остановило бы. Моя мама – домашний тиран. С этим и я, и отец давно уже смирились.

Дальнейший вечер проходит весьма предсказуемо и ровно так же, как проходил всегда: родители обсуждали что-то свое, периодически задавая мне вопросы про Австрию и работу, но в большей степени были сконцентрированы на своих темах. Раньше это не вызывало никаких эмоций, потому что я легко мог найти, чем себя отвлечь. Например, сидящей по правую руку от меня девчонкой.

Но сегодня рядом никого не было. И обсуждения, не имевшие за собой никакого практического смысла, раздражали.

Я особо и не вслушивался. Потягивал свою воду с лимоном, смотрел по сторонам, изредка кивая или улыбаясь, если нужно было. Беседа шла о ком-то из детей общих знакомых, и я не уделял ей внимания, пока не раздался вопрос:

— Ну а ты, Мирон, — улыбалась мне госпожа Рихтер. — Не женился случайно на какой-нибудь немке?

— Нет, — ответил я и усмехнулся. — На женитьбу у меня с некоторых пор аллергия.

Должен признаться: я не думал о том, что и кому говорил. Просто выплюнул то, что первым пришло на ум, но оно упало на стол как атомная бомба.

Атмосфера сразу же изменилась: стала тяжелой, вязкой, напряженной. Улыбки женщин – приклеенными. Взгляды мужчин – нахмуренными.

И я готов был к тому, чтобы меня отчитали за неподобающие намеки, но…

— Думаю, я должен извиниться за поведение нашей дочери, — вдруг произнес Генрих Рихтер, глядя в упор на меня. — Ее поступок, Мирон, невозможно оправдать. Поэтому от моего лица и от лица Марины прими наши искренние извинения и сожаления о том, что Виктория оказалась неподходящей для тебя кандидатурой.

Со стороны это, наверное, выглядело трогательно. Родители невесты, кающиеся за оступившуюся дочь. Но у меня внутри что-то екнуло – не облегчение, а скорее неловкость.

— Генрих, не ты виноват, — вступилась мама, вытирая губы салфеткой. — Мы все понимаем. Виктория поступила недостойно. Семьями дружим столько лет, а она… — мама покачала головой, и в ее голосе прозвучало искреннее осуждение. — Нет, так нельзя. Ты воспитывал ее лучше.

— Воспитывал, — усмехнулся Генрих Германович, но усмешка вышла горькой. — А она выбрала свой путь. Мы с Мариной давно смирились: наша дочь нас подвела. И тебя, Мирон. И себя саму.

— Она знала, на что шла, — тихо, но твердо добавила Марина Григорьевна. — Мы ее не оправдываем. Никогда не оправдывали.

Я видел, как мой отец отвел глаза и отложил вилку. Он не произнес ни слова, но я интуитивно почувствовал, что он если не поддерживал, то точно не возражал против подобных формулировок.

— С нашей стороны претензий к вам нет, — с вежливой улыбкой отозвалась мама и накрыла своей ладошкой ладонь Марины Рихтер. — Вы всегда были и остаетесь нашими друзьями. А что до Виктории… — она пожала плечами. — Думаю, мы все вынесли собственные выводы из сложившейся ситуации.

Все кивали. Все однозначно были на моей стороне. Родители Вики – ее же родители – говорили о ней в прошедшем времени, как о человеке, который «подвел», «поступил недостойно», «выбрал свой путь». Видимо, мне должно было стать легче, и в каком-то смысле даже стало: я не один против всего мира, меня не осуждали, меня жалели и поддерживали.

Но внутри билось возмущение: за что они так с ней?

Я смотрел на Генриха и Марину и не понимал. Это же их дочь. Единственная. Они растили ее, любили, гордились. А теперь сидели за столом друзей и открыто принижали ее – без злости, даже с грустью, но так уверенно. Как будто давно вынесли приговор и смирились. Как будто Вика для них уже не та, кого надо защищать.

Мне было не по себе. Потому что я помнил, насколько Вика была семейной девочкой: с какой теплотой отзывалась об отце, как часами могла разговаривать с матерью по телефону, как обожала их традицию воскресных обедов, на которые всегда тащила меня. А теперь ее семья открыто выступала против. Что это могло значить для нее?

— Спасибо, — сказал я наконец, потому что молчать было уже неловко. — Ценю. Но давайте сменим тему.

Мама тут же подхватила идею, завела разговор о театре и ближайших постановках, и напряжение потихоньку рассеялось. Я поднес к губам стакан и сделал глоток. Вода казалась горьковатой.

Уезжая, я дал себе зарок не интересоваться жизнью Виктории Рихтер. Но сейчас я уже начал сомневаться, что это было правильным решением.

Я понимал, что упустил что-то важное. И теперь мне очень хотелось узнать, что именно.

Глава 8. Мирон

Никогда не верил в судьбу и предопределенность. В моем понимании человек сам управлял своей жизнью, и только его поступки, желания и стремления могли формировать путь, по которому он шел.

Лично мои поступки, желания и стремления укладывались в одну простую истину: держаться от Виктории Рихтер подальше.

Тогда какого хрена мы постоянно пересекались?

После того «семейного» ужина у меня был короткий разговор с Матвеем и Олегом касательно событий, произошедших с Рихтерами в мое отсутствие. Короткий – потому что ничего толкового друзья сказать мне не могли.

— С тех пор, как вы расстались, я с Викой не общался, — пожал плечами Устинов и самоустранился из диалога, уделив все свое внимание какой-то девчонке за соседним столиком пафосного ресторана.

Пришлось переключаться на Рождественского, потому что он точно не мог ответить так же: мы оба знали, что его жена и Рихтер – подружки.

— Мир, тебе зачем это? — скривившись, поинтересовался Мот. — Понять не могу, тебя до сих пор не отпустило, или ты заделался в мазохисты? Хочешь, чтобы по тебе опять прошлись в грязных сапогах?

— Причем тут это? — отмахнулся я. — У меня родаки с Рихтерами через день ужинают вместе. Я хочу понимать, что мне еще от этих посиделок ждать.

Матвей долго смотрел на меня, пристально, проникновенно. Не знаю, что он пытался во мне найти – не было там ничего. Поэтому, видимо, смирился и признался:

— Бабские сплетни не собираю, — отвернувшись в сторону зала, проговорил Рождественский. — Знаю только, что они не общаются. Вообще. Вроде как даже денег перестали Вике давать, она где-то полгода на мели сидела. Откуда в итоге взяла бабки на свои цветы – без понятия. Помог, видимо, кто-то.

Такого поворота я не ожидал. Одно дело – не одобрять поступок дочери и осуждать ее за это, но другое – полностью прекращать общение и оставлять без средств к существованию. Вика же не работала ни дня в своей жизни! Даже подработками никакими не увлекалась – в универе только волонтерила на праздниках, но это чисто раз или два. Как она вообще могла без денег прожить? Полгода!

— И давно они разошлись? — уточнил я, хотя примерно понимал, что услышу в ответ.

— Сразу после твоего отъезда.

Тогда я в первый раз ощутил это: укол чего-то, похожего на вину. Мог ли я своим решением сломать не только собственную жизнь?

Гордость быстро забила этот тонкий голосок. Я все сделал правильно. Если бы остался с Викой в одном городе, нам обоим было бы в разы хуже.

А на следующий день мы с ней столкнулись… в кофейне. Я ехал на работу и тормознул у ближайшей из тех, чье название помнил. Посреди города. Просто от балды: увидел знакомую вывеску и остановился. Вошел внутрь с мыслями о капучино, и… остолбенел, когда точно у стойки увидел знакомые рыжие волосы.

Я со спины ее мог узнать. По одному только плетению косички – в этот раз единственной.

Она как раз забирала свой кофе и оборачивалась. Взгляд – вниз, под ноги. Даже не смотрела, куда шла. А я – не отступил. Итог закономерен.

— Ой! Простите! — врезавшись в меня, произнесла Рихтер, прежде чем поднять глаза. И сразу же застыла, словив узнавание.

Я тоже словил: от запаха ее духов. Или это лосьон для тела? Никогда в этом не разбирался. Но пахло… прошлым. Очень теплым, нежным и трогательным прошлым.

Трогательным – от слова «трогать». Поэтому сгробастать Рихтер в объятия и прижать к себе хотелось с такой силой, что даже ладони зачесались.

Я отступил первый. Она шагнула в другую сторону.

— Прости, — шепотом бросила она и ушла.

Весь день я возвращался мысленно к этой встрече – прикидывал, как мы могли так столкнуться, обитая в совершенно разных районах города, крайне далеких от кофейни. Я даже проверил адреса цветочных магазинов Вики – около кофейни не было ни одного. Так как она там оказалась?

Поняв, что найти ответ мне не по силам, я постарался абстрагироваться. Осваивался на новом рабочем месте, обустраивал хату, закупался продуктами. Никаких больше рыжих макушек. Никакого сбившегося с ритма сердца.

Через два дня мы с отцом обедали вместе в итальянском ресторане – мой родитель слишком его нахваливал. Всего два квартала от офиса – мы даже дошли до него пешком. Сидели, обсуждали дела, кушали. Я слушал объяснения по поводу нового контракта, скользил взглядом по залу, не ища ничего конкретного.

Но находил, да. То, чего вообще не должен был видеть.

Вика сидела за столиком с какой-то женщиной, они оживленно что-то обсуждали. На ней была красивая белая блузка с кружевными вставками, которая выгодно оттеняла цвет ее волос и глаз. В этом наряде Рихтер казалась особенно красивой.

Господи, да кому я врал? Она выглядела охрененно. Всегда. В дизайнерских шмотках и моих потасканных майках.

Но сейчас это была какая-то незнакомая мне Вика Рихтер. Собранная, сосредоточенная. Деловая. Не девчонка, которую я таскал на руках и прижимал к себе по ночам. Взрослая, самостоятельная женщина.

— Ты с ней хоть поговорил?

Вопрос отца заставил нахмуриться и отвернуться от Вики. К обсуждению контракта он точно не относился.

— Ты о чем?

— О Вике, — папа указал взглядом в сторону ее столика. — Вы поговорили после того, как ты вернулся?

— Нам не о чем разговаривать, — отрубил я и вернулся к своей пасте.

Увы, отец не посчитал тему закрытой.

— Учитывая, как вы расстались…

— Мы расстались, потому что она мне изменила! — еще более жестко напомнил я. — И залетела от другого мужика.

— Ты не знаешь подробностей.

В отличие от меня, родитель говорил спокойно и даже мягко, словно я – псих какой-то, который мог сорваться от одной неосторожно брошенной фразы.

— А ты знаешь? — усмехнулся я, откладывая приборы и складывая руки на груди.

— Вика знает, — так же ровно ответил Суворов. — Не хочешь у нее спросить?

— Я не хочу иметь с ней ничего общего!

— Поэтому ты добрых пять минут не мог оторвать от нее глаз?

Парировать было нечем, и от этого внутри самого себя было тошно. Я не хотел ничего общего с Рихтер, но стоило ей появиться поблизости, как взгляд не мог от нее отлипнуть.

Мы были вместе девятнадцать лет, почти ежедневно. За три года такое не забудешь.

— Мы слишком часто сталкиваемся, — в итоге ответил я, отворачиваясь к окну.

— У вас один круг общения, — краем глаза я видел, как отец пожал плечами. — Вы постоянно будете сталкиваться в одних и тех же местах, это неизбежно. Вы должны как-то научиться… сосуществовать во всем этом.

— Для этого не обязательно разговаривать, — ответил я, разглядывая проходящих мимо людей. — Игнорирование мне нравится больше.

Папа покачал головой, но промолчал. Я уже был уверен, что мы наконец-то перестали мусолить мои оконченные отношения с Рихтер, но спустя полминуты отец добавил:

— Тебе ведь до сих пор больно, — так тихо и так уверено сказал он, словно сам был на моем месте. — И ей больно, Мирон. Поговорите. Вам обоим станет от этого легче.

Несмотря на то, что логика в этих словах была, я предпочел отрицательно махнуть головой.

— Я так не думаю.

— Зря.

И на этом тема наконец-то себя изжила: разговор снова вернулся в рабочее русло, а Рихтер… ушла. Я и не заметил, когда.

Однажды я видел ее на улице – стоял в пробке, а она размеренно шла по тротуару в своем пальто. Ее волосы развивал ветер, но Вика этого словно и не замечала. Шла, глядя под ноги, в ушах – наушники. Руки в карманах, через плечо – миниатюрная сумка.

Сигнал стоящей позади машины выдернул меня из омута, в который я погружался каждый раз, когда Вика оказывалась рядом. Я проехал прямо, она – свернула направо, теряясь среди улиц.

В пятницу мы с Олегом и Мотом договорились сходить в бар посмотреть футбол. Забронировали столик, расположились с комфортом, пили пиво и обсуждали матч. Как вдруг дверь распахнулась, пропуская внутрь стайку девушек.

Олег среагировал на них первым, что не удивительно: он все никак не вырос из пубертата, поэтому стремился проводить ночи в женской компании, каждый раз – разной. Но его голодный взгляд погас слишком быстро.

— Попадос, — проворчал Устинов, вынуждая нас всех обернуться в сторону барной стойки.

А там – да, она. Рихтер. С косичкой, вежливой улыбкой, черной водолазкой в облипку и узких джинсах.

— Можем уйти, — тут же предложил Матвей.

— Не проблема, — повторил я ему то, что уже говорил на дне рождения его сына. А себе запретил даже смотреть в ту сторону.

Но с самовнушением у меня были огромные проблемы.

— Два-ноль, Мир, — в какой-то момент пнул меня под столом Олег. Я вздрогнул и перевел на него взгляд.

— Что?

Матвей тяжко вздохнул и покачал головой. Устинов улыбнулся во все тридцать два.

— Ты уже второй гол пропускаешь, потому что пялишься на свою бывшую.

— По-моему, нифига она не бывшая, — выдохнул Рождественский. — Пора уже признать, что наш Мир нихрена не переболел своей рыжей болезнью.

— Да она у него врожденная, по ходу, — поддакивал Олег.

В чем-то они были правы. В том, что Рихтер – это болезнь. От которой я уехал лечиться в Австрию. Принимал внутрь европейский воздух, прикладывал к себе других женщин. А в итоге засыпал в одиночестве и страдал галлюцинациями во снах, встречая там каждый раз одно и то же лицо. Иногда – счастливое, иногда – заплаканное. Но всегда – знакомое до дрожи.

Я уговаривал себя, что излечился, когда закрылся ото всех и сосредоточился на работе. Поэтому, кстати, со мной и не стали продляться: потому что не семейный. Таким за бугром доверяли почему-то больше.

А я, кажется, вообще перестал верить в такое понятие, как «семья». Разочаровался в нем, когда та, кого я считал своей семьей, воткнула нож в спину.

Теперь же она сидела у бара с подругами, которых я не знал. Улыбалась, шутила. Но мне и отсюда было видно, что глаза у нее потухшие.

Прямо как у меня.

— Может, вам просто переспать надо? — ворвался в мои мысли насмешливый голос Олега.

— У тебя на все проблемы одно решение, — осадил его Мот, потягивая свое пиво.

— Ну а что? — Олежка обернулся к нему. — У Мира явно гештальт не закрыт. А так покувыркаются, поставят красивую точку и разойдутся, как в море корабли.

— Советчик из тебя откровенно хреновый, Олежек, — усмехнулся я, все-таки переключая внимание на друзей. — Искренне сомневаюсь, что у меня встанет на Рихтер после того, что было.

— Ой ли, Мирончик, — с наглой ухмылкой протянул он.

Не хотелось признавать, что в чем-то этот зубоскал был прав. Не в том, чтобы переспать. В том, что на Вику у меня встанет в любом состоянии. Даже с учетом глубокой обиды и бесконечной боли внутри.

Сука, почему кругом она?!

Я пересел. Согнал Олега с его насиженного места и оказался спиной к Рихтер и ее компании. Стало чуточку легче: я даже смог сосредоточиться на футболе и неспешной беседе с Мотом. Назад не смотрел и спустя полтора часа уже был уверен, что меня отпустило.

Пока Устинов, слегка нахмурившись, не спросил:

— Если я скажу, что какой-то мутный тип клеится к Рихтер, что ты будешь делать?

Я сразу понял, что это не теоретический вопрос. Развернулся так резко, что в шее что-то хрустнуло, но было уже плевать, потому что я получил подтверждение недавним словам: Вика, полное отсутствие ее подружек поблизости и мутный тип.

Мне хватило двух секунд, чтобы понять: его общество Ви неприятно. Она сидела с неестественно прямой спиной, плечи напряжены, руки слишком сильно сжимали бокал. Какого черта она до сих пор там торчала и выслушивала урода, что наклонился слишком близко к ней, пристроив руку на низкую спинку ее браного стула?

— Мир, не стоит, — попытался остановить меня Матвей, но…

Это рефлекс. Условный.

Я никому не давал Вику в обиду. Вероятно, искоренить в себе желание защищать ее мне будет даже сложнее, чем разобраться с тем, чтобы ее хотеть.

— Давай без драк! — уже в спину мне бросил Олег. — Только новую рубашку надел…

Приятно знать, что друзья тебя не оставят. Даже если мой поступок они не одобряли.

Меня переполняло чем-то темным, жгучим, ядовитым. Разорвать. Уничтожить. Только того мужика, что лез к Рихтер? Не уверен. Возможно, еще и самого себя.

Ведь я точно об этом пожалею. Пожалею ведь?

— Оставь девушку в покое, — приказал я, останавливаясь за спиной Рихтер.

Мужик поднял на меня глаза – наглые, заплывшие, с явным алкогольным туманом. Рука его так и осталась на спинке стула Вики, и от этого пальцы сами сжались в кулаки.

— А тебе какое дело? — буркнул он, но голос дрогнул. Ростом я его перекрывал с запасом, да и настроение у меня было соответствующее. Даже в пьяном состоянии он должен был понимать, что я и неприятности сейчас – слова-синонимы.

— Последний раз повторяю. Свали.

Вика обернулась. Изумрудные глаза – огромные, испуганные. Не от мужика. От меня. Как будто я был тем, кого стоило бояться.

— Мир, не надо, — тихо сказала она. — Я сама…

— Ты сама что? — перебил я, не отводя взгляда от ее «собеседника». — Будешь еще час выслушивать его бред?

Она не ответила – ей нечего было сказать такого, чтобы меня переубедить. Зато пьяный придурок начал вставать.

— Слышь, ты…

— Я. Сказал. Свали, — шагнув вперед, я перегородил ему обзор на Вику. Нехрен пугать ее еще больше. — Пока я в настроении.

Мужик что-то проворчал – неразборчиво, но явно не комплимент. Его взгляд скользнул мне за спину – не на Рихтер, а на Мота и Олега, неотрывно за нами наблюдающими. Придурок понял, что я не один – и это сыграло свою роль.

Послав меня в задницу, он отступил и, развернувшись, двинулся прочь. Я проследил за ним взглядом, пока тот не растворился у выхода, и только тогда перевел внимание на Вику.

Она смотрела на меня. Бледная. Дрожащая. С бокалом в руках, который, кажется, вот-вот выскользнет из пальцев.

— Не стоило, — выдохнула она наконец. Так тихо, что я еле расслышал за грохотом из телевизора. — Но спасибо.

— Пожалуйста.

На этом все должно было закончиться: я выполнил свою миссию, геройский подвиг совершен, можно идти почивать на лаврах. Но я стоял. Смотрел в глаза эти изумрудные, на губы тонкие, искусанные. На шею лебединую. И шага в сторону сделать не мог.

А Вика смотрела на меня, снизу вверх, напугано, но все равно знакомо.

Черт его знает, что происходило в тот момент между нами. И кто меня дернул сказать:

— Я отвезу тебя домой.

Она вздрогнула и сразу же отдалилась: и физически, и духовно.

— Не надо, я дойду сама.

— Сиди здесь, — я пропустил ее слова мимо ушей. — Схожу за ключами.

У меня не было никакой уверенности, что она послушается, и, наверное, я испытал бы облегчение, если бы Рихтер сбежала, пока я на нее не смотрел. Но по напряженным взглядам, которыми на меня смотрели Матвей и Олег, я понял: она никуда не делась.

— Уверен? — единственное, о чем спросил Мот.

— Просто довезу до дома, — отмахнулся я, подхватывая ключи и телефон. — И вернусь.

— Да лучше останься у нее переночевать, — не смолчал Олег, за что был послан выставленным в лицо средним пальцем.

Еще бы на него это подействовало.

Вика не сдвинулась с места: так и сидела, сложив руки на коленках. Я кивнул ей в сторону выхода – она молча поднялась, подхватила с вешалки плащ и, накинув его на плечи, двинулась за мной. Ни с кем не попрощалась – странно.

Мы вышли на улицу. Холодно, сыро, под ногами лужи отражали огни вывесок. Я направился к машине, она – в полшага сзади. Не рядом. Это все воспринималось странно, неестественно. Но пока сердце требовало идентичности воспоминаниям, мозг не давал забыть, что между нами по-прежнему лежали три с половиной года одиночества, тонны несказанного и одна фраза в ванной: «Это не твой ребенок».

Я отжал сигнализацию – машина приветливо моргнула фарами. Открыл перед Викой дверь – тоже привычка. Она не подняла лица, лишь молча заняла свое место. А когда я опустился на свое, ее взгляд уже был устремлен в противоположную от меня сторону.

— Адрес? — спросил я, заводя двигатель.

— Не изменился.

Черт. Я надеялся на другой ответ. Тут же ехать всего минут семь.

— Почему не переехала?

Я бы не смог жить в квартире, которая всегда была нашей, и по документам, и по атмосфере. Там же все напоминало о ней! Мне даже город напоминал о ней. Поэтому я сменил страну.

— Сначала некуда было, — вдруг ответила Вика, хотя я уже не ждал от нее ответа. — Потом привыкла.

Ровно. Даже безэмоционально, словно действительно… привыкла.

Но меня больше задело ее «некуда». Значит, действительно порвала все связи с родителями – или они с ней, иначе с легкостью могла бы выбрать себе любую жилплощадь, от студии до загородного дома. У нее же отец – строитель, ему половина местных высоток принадлежала.

Больше никто не говорил. Не о чем? Есть. Но лично мне – не хотелось. Ей, наверное, тоже, поэтому в салоне моей тачки было так паршиво.

Девятнадцать лет. С четырех мы – вместе. Детсад, школа, дома по соседству. Университет. Это не просто любовь, это долбанная жизнь, которая связала нас якорными канатами. Цепями.

А что сейчас между нами? Пропасть. Черная дыра. И от этого внутри – долбанное торнадо.

Но, видимо, прав был Матвей, когда называл меня мазохистом. Потому что несмотря на весь раздрай в душе, на всю тяжесть, скопившуюся под потолком, на все заверения здравого смысла… я не хотел, чтобы эта поездка заканчивалась.

Глупо, да?

Глава 9. Вика

Если закрыть глаза и не думать, вполне можно было почувствовать себя в прошлом.

Тот же автомобиль. Тот же запах – кожаной отделки, одеколона. Словно Мир только-только получил эту машину в подарок – она все еще пахла именно так, как из салона. Но уже немного обжитая хозяином.

Нет, никаких украшений на приборной панели или ароматизаторов на зеркале заднего вида – Мирон их ненавидел. Но красная подушка в виде маленького сердечка до сих пор лежала на заднем сиденье, я успела ее заметить.

Это я принесла. Сказала, что так Суворовский Мерседес будет казаться не таким мрачным. Мирон долго ворчал, грозился выкинуть на первой же заправке. Но покорно возил несчастный аксессуар, а я, когда мне было особенно грустно, прижимала подушку к себе и крепко-крепко обнимала.

Так Мир понимал, что мне – плохо, и либо останавливался, чтобы поцеловать, либо сворачивал к ближайшему магазину с мороженым.

Сейчас мне тоже этого хотелось: подушки, объятий, мороженого. Но я даже на секунду глаз прикрыть себе не позволяла, чтобы вернуться в воспоминания.

Мой психотерапевт заключил, что я – слишком впечатлительная, поэтому такие даже мысленные экскурсы в прошлое для меня ничем хорошим не закончатся. Я заблужусь в собственных воспоминаниях, потеряю связь с реальностью и снова окажусь там, где мне оказываться не хотелось. Поэтому мы учились фокусироваться на настоящем: том, что было буквально под рукой.

Ребра сумки. Тонкая веревочка на запястье. Прохладная ткань плаща. Это – мое «здесь» и «сейчас».

И Мирона в этом не было.

Он – единственный триггер, который нам так и не удалось проработать. Слишком глубокая рана – как если бы из груди вырвали какой-то жизненно важный орган. Доктор говорил, если разобраться в причине, станет легче, но со мной не сработало.

Я понимала, что виновата сама. Что если бы я не молчала, все сложилось бы иначе. А я промолчала дважды: сначала, когда все это случилось, и позже, когда узнала про беременность. Не нашла в себе сил признаться, и это стало ключевой ошибкой.

Ее я принимала. Но ее последствия… они душили меня даже по прошествии стольких лет.

Легче мне не становилось. А с возвращением Мира, кажется, все только усугубилось.

Воспоминания, которые я гнала от себя, наступали на пятки: безжалостно, неумолимо, снова и снова возвращая меня в день, когда я сидела одна на полу в душевой, обхватив себя руками, а горячая вода лилась сверху, застилая глаза наряду со слезами. Я оставила телефон на стиральной машинке – это целых три метра! Но все равно видела, как он вибрировал на углу, сообщая о все новых непринятых вызовах.

В это время мне звонил только один человек, чтобы сделать мой мир чуточку светлее. Но в тот день даже свет от телефонного экрана не мог прогнать тьму.

Не знаю, откуда я нашла в себе силы отправить голосовое. Полчаса собиралась с духом, убеждала голос звучать естественно, соответствующе словам. Но к концу сообщения он все равно сорвался на всхлипы, только Мирон наверняка списал это на разлуку.

«Прости, родной, мы что-то так посидели, что я вырубилась, едва добралась до дома. Позвони мне завтра, пожалуйста. Я буду очень-очень ждать. Люблю тебя, мой Мир!»

После я до самого утра слушала на повторе его ответ, а горькие слезы так и катились из глаз, не высыхая даже на минуту.

«Позвоню, малыш. Сладких снов. Люблю тебя и безумно скучаю, моя Победа».

Его голос звучал у меня в ушах прямо сейчас. Словно все это происходило буквально минуту назад.

— Вика?

Прикосновение к плечу настолько неожиданное и такое обжигающее, что я невольно вздрогнула и вплотную прижалась к двери. Перед глазами прояснилось: никакого светлого кафеля, все тот же черно-коричневый салон Мерседеса. И Мирон, сидящий напротив, хмурый, с протянутой рукой.

Я не выносила больше чужих прикосновений. Теперь в моей жизни имелся весьма ограниченный круг лиц из числа тех, кому я могла это позволить: сотрудницы на работе, если это необходимое касание. Кристина. Даня и другие малыши. Но остальные… меня передергивало, даже если кто-то задевал плечом в толпе. Сейчас, конечно, воспринималось уже не так ярко, как раньше – тогда я могла погрузиться в интрузии и довести себя до панической атаки. Со временем я научилась контролировать отклики своего тела и разума.

Но Мирон… с ним никогда не работали никакие установки. Он – это объект вне классов и делений. В моем мире ему не нашлось бы никакого описания или характеристики, способной отнести его хоть к какой-то категории.

Поэтому его прикосновение обжигало – сильно, до боли. Но воспринималось как самая желанная вещь на свете.

Я бы отдала все за то, чтобы он меня сейчас обнял. Но вряд ли мой психолог одобрил бы подобные порывы.

— Ты в порядке? — произнес Мирон тем же голосом, который я помнила, но дотронуться больше не стремился. Вероятно, счел меня ненормальной, даже не предполагая, насколько в этом прав. — Ты… плачешь?

Я тут же провела пальцами по щекам – на одной, правой, действительно нашлась мокрая дорожка, которую я не почувствовала.

Одна часть меня захотела признаться во всех ужасах, что пугали меня до сих пор. Другая – смотрела в холодные глаза и понимала, что не найдет в них поддержки.

Мы теперь чужие люди. Чужие настолько, что эмоциональная близость – слабость, которую мы не можем себе позволить.

— Перенервничала из-за того мужика в баре, — я попыталась изобразить улыбку, но в этот раз даже не смогла дать себе оценку, получилось или нет. — Не обращай внимания.

Мирон все еще смотрел на меня, сохраняя излишне серьезное выражение лица. О чем он думал в тот момент? О том, что я врала? Или о том, что я – странная? Или в очередной раз убеждался, что поступил правильно, когда ушел?

Я не знала. Но глаз оторвать от него не могла. Смотрела, смотрела, смотрела… как на любимую картину, которая наконец-то ожила. Как на старые фото, которые до сих пор хранила в нашей квартире: ни одну не убрала, хотя в процессе терапии врач предлагал мне избавиться от вещей, которые напоминали о прошлом. Я часто замирала у стены напротив фоторамок с коробкой в руке, но так и не смогла снять ни одну. Это ведь наша жизнь. Счастливая. Пусть хоть изображения о ней напоминают.

А сейчас картинка – живая. Но улыбки, как на тех снимках, нет. И любви во взгляде. И теплоты. И хоть какой-то эмоции.

Потому что я не заслужила. Я все сломала. И теперь расплачивалась за это сполна.

— Мы приехали, — нейтральным голосом сообщил Мирон, и только тогда я поняла, что машина давно уже не двигалась, а двор за окном действительно тот, в котором когда-то жили мы.

А теперь жила я.

— Спасибо, что подвез.

Нужно было уходить, потому что делать здесь мне было больше нечего. Но найти в себе силы потянуть ручку я не могла.

Еще секунду, говорила я себе. Вдохну поглубже его запах, чтобы остался на подольше. Запомню, какого это: снова быть рядом, пусть и не касаясь друг друга.

Снова удостоверюсь, что ничего уже не вернуть.

— Вик, — вдруг донеслось слева, когда я уже почти уговорила себя уйти. Я резко развернулась, но Мирон не смотрел на меня: он положил одну руку поверх руля и изучал что-то за лобовым стеклом. — По поводу Рождественских.

— Говори.

Лишние две минуты. Даже если он попросит сейчас отказаться от дружбы с Кристиной и обязанностей крестной для ее сына.

— Надеюсь, ты не ждешь, что я прекращу общение с лучшим другом, — все так же не глядя на меня, продолжил Мир. — Равно как и я не вижу смысла просить тебя о таком в отношении Крис.

На грудь стало давить меньше: Мирон не покушался на мою дружбу. А я, конечно же, никогда бы не рискнула требовать от него разойтись с Матвеем.

— Поэтому мы не можем исключить встречи, как на дне рождения у Дани, — подводил к основному Суворов. — Не знаю, как тебе, но мне бы точно не хотелось, чтобы все сидели напряженные и переживали на тему того, поцапаемся мы с тобой или нет.

— Я не собираюсь с тобой цапаться, — призналась тут же, заправляя волосы за ухо. — Мне… не в чем тебя обвинять.

Мирон усмехнулся – и отвернулся к своему окну.

— Хотел бы я сказать так же, — куда тише, чем все остальное, произнес он, не догадываясь, сколько ножей одной фразой втыкал мне в сердце. Я знала, что он считал меня виноватой – на его месте я бы тоже считала, но… знать и быть готовой к боли – это все еще разные вещи. — Поэтому предлагаю договориться. Забыли все, что между нами было. Теперь мы просто знакомые, имеющие общих друзей. И ведем себя соответствующе.

Я представила себе это: очередной ужин у Рождественских, общий стол, я и Мирон на разных его концах. Улыбаемся, делаем вид, что между нами ничего нет и ничего не было. И все вроде бы не плохо, но… в какой-то момент Мир придет не один, и место рядом с ним займет другая девушка, которую он представит своей. А я так и останусь одна между Кристиной и Даней.

И это не просто больно – это чувства в ошметки. Как мне сидеть и смотреть на его новую жизнь, в которой мне уже нет места? Как радоваться – за него, за крестника, за подругу, — когда несчастное разбитое сердце, так и не склеенное до сих пор, снова обратится в острые осколки? Как мне жить, зная, что Мирон меня… «забыл»?

Я представила – с этим проблем никогда не было. И поняла, что не хочу. Ни такого будущего, ни такого предложения.

— Прости, Мир. Но я не смогу, — выдохнула я и пулей выскочила из машины, сразу же направляясь к подъезду.

Я не хотела, чтобы он меня уговаривал или обвинял. Не хотела снова оказываться в том состоянии, где кто-то ставил бы меня перед выбором: забыть Мира или страдать по нему.

Лучше я буду страдать, глотая слезы в лифте и после, в объятиях кошки. Чем забуду хотя бы одну минуту, что провела рядом с ним.

Ведь все мои самые лучшие моменты – это о нем. Мои осколки счастья, которые я иногда перебирала, как Кай из сказки, и пыталась сложить из них то самое слово.

Вечность. Где я и мой Мир были бы вместе.

Глава 10. Мирон

Я не понимал, как отнестись к поступку Вики.

С одной стороны – разумной и практичной, – то, что она не согласилась, меня раздражало. Не злило, а именно зудело где-то на подкорке ощутимым неудовлетворением. Ведь я предложил правильный вариант! Простой, но действенный!

С другой стороны, я был вынужден признать, что «просто» этот план звучал только на бумаге. Как улыбаться человеку, который был твоей вселенной, а потом обернулся безжалостной черной дырой? Как делать вид, что у вас все хорошо, если внутри сердце кровоточило каждый раз, стоило только Рихтер оказаться поблизости?

Но самое хреновое, что была и третья сторона, которую я очень не хотел признавать. И эта сторона отвечала за облегчение. Глупое, нелогичное и совершенно неуместное.

Ви отказалась. Значит, для нее тоже все не прошло.

В этом облегчении была ненужная мне надежда, которую я с остервенением выкашивал в себе практически каждый день с моего возвращения на родину. Надежда на то, что между мной и Ви что-то может быть.

Мой мозг отказывался это принимать. В его понимании Рихтер – предатель. Женщина, которая разрушила все самое ценное, нежное и трогательное, что было в моей жизни. Убийца нашей семьи, которая пусть и не была оформлена документально, но существовала всегда, с того момента, как я впервые поцеловал свою Победу.

Кажется, тогда я первый раз ощутил, что такое ревность. Я прекрасно помнил, как вышел с тренировки по баскетболу и заметил Рихтер у окна в коридоре. Форменная юбка, белая блузка, галстук в цветах нашей частной гимназии. Неизменные две косички, за которые давно уже никто не пытался дернуть: все знали, что за это я дерну кому-то кулаком в лицо.

Она улыбалась, прижимая к груди какие-то книжки. А напротив нее стоял Костя – придурок из параллельного класса, который перевелся пару недель назад. Он еще не понял, что к Рихтер подходить нельзя, поэтому улыбался и что-то ей втирал, подписывая себе этим смертный приговор.

А потом поднял руку и аккуратно заправил Вике выбившуюся прядку волос за ухо.

Я бросил спортивную сумку посреди коридора, но даже не услышал, с каким грохотом она упала. Притопил вперед, чтобы услышать окончательно выбесившее меня:

— Так как насчет кино, карамелька?

— А как насчет выбитых зубов, придурок?

Я толкнул его руками в грудь, отгоняя сразу на несколько шагов от Рихтер.

— Мирон!

— Ты долбанулся, Суворов?

— Какая она тебе карамелька, дебил? — я не обратил никакого внимания на прозвучавшие фразы. — Свалил от нее! Чтобы я тебя рядом больше не видел!

Каждое свое слово я сопровождал тычком и был готов к тому, что Костя ответит хоть на один. Но он оказался тем еще ссыклом, не способным ни на что, кроме как отталкивать мои руки.

— Сумасшедший! — в итоге выдал он, развернулся и ушел, успев перебросить какими-то загадочными взглядами с Викой. Я уже дернулся, чтобы за это настучать ему по башке, но именно в тот момент Ви ударила меня книжкой по спине.

— Ты чего устроил?

Я обернулся. Она смотрела на меня снизу, насупившись. Щеки красные, глаза – блестящие. Косички еще эти по обе стороны от лица.

Я тогда представил, как она в таком виде пошла бы в кино с Костей. Как улыбалась бы ему, как смеялась над его тупыми шутками. Как разговаривала бы с ним вместо того, чтобы разговаривать со мной.

И понял, что хрена с два я дам этому случиться.

— Он назвал тебя карамелькой! — возмутился я, сжимая пальцы в кулаки. От одного только воспоминания они начинали чесаться.

— Это не оскорбление, если ты не знал! — в тон ответила Рихтер. — Мне, может, понравилось, или ты этого не допускаешь?

Я фыркнул.

— Как может понравиться такой бред? Ты кто угодно, но не карамелька.

Она надула губы и наверняка захотела сложить руки на груди, но все еще держала в них учебники.

Обиделась.

— И кто же я тогда? — задрала подбородок, посмотрела с вызовом. — Ведьма?

Это было ее самое нелюбимое прозвище, которое никто больше не вспоминал. Кроме самой Рихтер.

Я пожал плечами. И выдал первое, что пришло на ум:

— Ты – моя Победа.

— Это не комплимент, — не оценила Ви.

— Это факт, — отрезал я. Когда Вика приходила на мои баскетбольные матчи, я всегда выигрывал. Всегда.

Она, вероятно, подумала о том же, поэтому упрямо сжала губы и отвернулась к окну, снова притягивая книжки к груди.

— Вообще-то, Костя пригласил меня на свидание, — не глядя в мою сторону, призналась Рихтер, провоцируя меня догнать остолопа и отпинать его по первое число. — И я хотела на него пойти.

— Сходи лучше на свидание со мной, — я не задумывался о том, о чем говорил. Просто говорил. — Хочешь – в кино, хочешь – в кафе.

Вика закатила глаза, но все-таки переключила внимание с внутреннего двора на меня.

— Может, ты еще и парнем моим будешь? — усмехнулась она.

Я удивился. Искренне. Потому что в голове звучал только один вопрос:

А кто, блин, если не я?!

Мне казалось, это понимали все вокруг, поэтому и не подходили к Рихтер ближе, чем позволяли правила приличия и длина моей руки. Даже до Кости бы дошло, просто он слишком туп, чтобы допереть до этого раньше.

Одна Вика, чтоб ее, не понимала. Или делала вид?

А я просто брал и делал: наклонялся и касался своими губами ее губ. Неумело и немного неловко, потому что я ни с кем никогда не целовался.

— Такой ответ тебя устроит?

Она стояла и смотрела на меня широко распахнутыми глазищами. Рот чуть приоткрыт, взгляд – шальной. Косички. Ни тогда, ни сейчас не видел никого красивее.

Ви так долго молчала, что я собирался уже плюнуть на все и уйти, как вдруг:

— Не поняла, если честно, — тихо прошептала она и облизала губы. — Не мог бы ты повторить?

Я повторил – и это уже было больше похоже на настоящий поцелуй, особенно когда книжки Рихтер грохнулись на пол, чудом не задев наши ноги, а ее руки легли мне на грудь.

Даже сейчас, сидя в машине под окнами нашей общей квартиры, я помнил вкус Викиных поцелуев. Казалось, оближись – и сможешь его почувствовать.

Это было теплое воспоминание. Теплое и болезненное.

В бар к парням я так и не вернулся – колесил по знакомым маршрутам, а домой завалился уже под утро. Успел порадоваться, что завтра не нужно было идти на работу.

Тогда я еще не понимал, насколько хреново мне будет в четырех стенах. Потому что Рихтер, к присутствию которой в своих снах я вроде бы уже привык, вдруг начала из них выбираться.

Я лежал в постели и вспоминал, как она доверчиво прижималась ко мне, обнимая бицепс своими худыми ручками.

Я делал себе кофе и думал о том, как она всегда ворчала, если я добавлял в маленькую чашку сразу две ложки сахара.

Я смывал с себя эти мысли в душе, но ощущал фантомные прикосновения не капель к своей спине, а ее пальцев.

Я не хотел признаваться, что мне было одиноко без нее, поэтому просто сбегал из квартиры на вечернюю пробежку.

Сказать, сколько раз мне показалось, что я видел ее в толпе?

Восемь. Восемь женщин, в которых я находил ее черты. Прическу, поворот головы, походку. Даже дурацкий похожий плащ.

Это все злило. Настолько, что ближе к ночи я отправился в ближайший клуб, чтобы забыться в объятиях другой женщины.

Я даже нашел кого-то. Мы целовались, сидя на диване, она забралась мне на колени, потянулась рукой к паху, дотронулась. И организм тут же дал команду в мозг: это не та рука. Не то прикосновение. Не та сила сжатия, не те стоны, не те, черт бы их побрал, губы!

Все было не то. Вся моя жизнь превратилась в гребаные флешбэки. И я не знал, как из них выбираться.

Возможно, решение вернуться было ошибочным. Еще более ошибочным, чем изначально уходить.

В итоге лучшее, что я смог придумать, это загрузить мозг работой.

Я отменил себе выходные, а когда поинтересовался у отца, могу ли приехать в офис в воскресенье, он даже обрадовался. В отличие от меня, он всегда был трудоголиком – и он, и мама. В детстве я куда чаще видел гувернантку, чем родителей, поэтому, видимо, и предпочитал общество друзей посиделкам в пустом доме. И однажды дал себе и Вике обещание, что никогда не поставлю работу на первое место.

Как круто могли измениться жизненные приоритеты, да?

Не могу сказать, что работа помогала идеально, но моментов мнимого «узнавания» действительно становилось меньше. В офисе почти не было рыжих, маленьких и зеленоглазых. Общался я в основном с мужчинами. По городу больше не ездил, ограничившись маршрутом дом-работа.

Никаких шансов обмануться, казалось бы. И все равно в лифте я ощущал запах похожих духов. В отражении в стекле кабинета видел призраков за спиной, которые подходили ко мне, обнимали за талию и прижимались щекой к лопаткам. На светофорах ловил себя на мысли, что постоянно рассматривал пешеходов.

Я давал себе установки – и они работали. Но сбоили.

— Ты какой-то измотанный, — заметил в четверг отец после совещания. — Плохо спишь?

— Запоздалая акклиматизация, наверно, — соврал я.

Отец покивал своим мыслям, но лечить меня не стал.

— Завтра отмечаем юбилей фирмы, ты помнишь? — уже на выходе из кабинета догнал меня его вопрос. — Ты должен там быть.

У меня не было никакого желания присутствовать на этом празднике жизни, но я понимал, что отсутствие вернувшегося наследника будет воспринято превратно, особенно после

того, как ради меня отцу и вовсе пришлось придумать новую должность – помощник первого заместителя. Ясен пень, что доброжелателей у меня от этого не прибавилось, а завистников и без этого было полно. Давать им поводов зубоскалить еще больше – не в моих интересах.

Я планировал пробыть на банкете всего пару часов: дождаться конца официальной части, помелькать в толпе и отчалить. Но когда бы все шло по моим планам?

Все началось с украшения столов: на всех стояли маленькие букетики, из которых ненавязчиво, но различимо торчала визитка: «Viron». Буквы с самого начала показались мне знакомыми, но, когда сложились в слово, я сильнее сцепил челюсти.

И здесь Рихтер.

К моему счастью, ее самой не было: у официантов я узнал, что оформлением занималась отдельная команда, которая уехала за полтора часа до начала празднования. Никто не задержался.

Дальше – стандартный вопрос: «Шампанское?». Я – кивнул, молодой человек склонил бутылку над бокалом, а я рассмотрел этикетку.

Новый флешбэк: я и Вика в кафе напротив Эйфелевой башни, пьем именно этот напиток. Ви смеется и говорит, что завтракать в Париже вином и круассанами – мечта всех ее подружек, которая сбылась почему-то у нее. Я тогда пообещал ей, что исполню любую ее мечту, и мы долго целовались, сидя в обнимку на одном стуле.

Пришлось заменить шампанское на виски под неодобрительным взглядом отца.

Потом были разговоры – много, разных, на совершенно посторонние темы. Начальник отдела снабжения жаловался, как его жена разбила подаренную машину, а я вспоминал, как учил Вику водить. Старший бухгалтер нахваливала бутик, в котором покупала платье, а у меня перед глазами Рихтер, выходящая из кабинки в очередном умопомрачительном наряде.

Я никогда не видел проблем сходить со своей девушкой на шопинг. Мне нравилось смотреть, как она выбирает себе наряды – особенно если поход в магазин включал в себя отдел нижнего белья.

Начальник службы безопасности хвастался дочерью, окончившей школу с золотой медалью, а я слышал у себя в голове насмешливый голос Вики: «Ну и что ты будешь делать с этой позолоченной ерундой? Давай хоть на стенку повесим, будем детям показывать и говорить, какой у них умный отец».

Мы. Хотели. Детей. Наших. Двоих: мальчика и девочку. Попозже, не сразу, но…

Через два часа я никуда не уехал: я банально спивался, стараясь не показывать вида. Куда бы я ни шел, с кем бы ни разговаривал – везде Рихтер и наше с ней прошлое. Оно стояло за моей спиной и все сильнее стягивало удавку на шее, не давая вдохнуть полной грудью. Оно давило бетонной плитой на плечи, прижимая к земле.

Оно меня просто уничтожало. И я ничего не мог с этим сделать.

Я смотрел на свое отражение в туалетном зеркале, упирался руками в мраморную раковину и понимал, что все. Это клиника, Мирон Андреевич. Пора признаться, что сам ты не справляешься.

— Я дико скучаю по Виктории Рихтер.

Я произнес это вслух. Впервые за четыре долбанных года. Не задумываясь о том, слышит меня кто или как это может быть воспринято. Я признался в своей слабости и своей боли. И сделал это дважды.

— Потому что я все еще ее люблю.

Мне не стало от этого легче. Пальцы сами собой сжались в кулаки, скулы напряглись, зубы впечатались друг в друга. Я всегда думал, что любить – это кайф, но сейчас эта любовь делала мне больно. Она ломала мне кости, она выворачивала внутренности, стягивала их в узел и выдирала без наркоза.

Я подыхал от этой любви. И не знал, как с этим справиться.

Я хотел сдохнуть прямо в той пафосной уборной. Но я должен был возвращаться обратно, вежливо улыбаться и делать вид, что внутри меня нет выжженной пустыни.

Я ополоснул лицо холодной водой, прикрыл на миг глаза, напоминая себе, что я все еще не сомневался в выбранном решении. Отрепетировал ту самую улыбку и двинулся на выход.

Девять шагов до поворота. Ароматические галлюцинации, на которые я уже привычно не обратил внимания. Шаг в сторону.

Столкновение. Разряд тока по телу. Сбитое дыхание.

Вика Рихтер. Зеленые глаза. Две косички. Прижатые к груди… нет, не книги. Папки с документами. Приоткрытый рот.

Кажется, в тот момент моя психика окончательно схлопнулась, потерявшись среди «тогда» и «сейчас». Меня повело. Контроль… исчез.

За свои действия я больше не отвечал. Совсем.

Глава 11. Вика

Когда я вышла из клиники, мне пришлось заново учиться жить в мире, где не было Мирона. Приходить в пустую квартиру и не ждать, что повернется ключ в замке. Самой носить сумки с продуктами до дома. Разбираться в квитанциях, цоколях у лампочек и том, где у нас лежали отвертки.

Это был очень долгий путь к самостоятельности, который я с тем или иным успехом прошла под надзором кошки.

Теперь мне предстояло учиться жить в мире, где Мирон был, но не со мной.

Это представлялось куда более сложной задачей. Как минимум потому, что я вообще не понимала, с какой стороны к ней подойти.

Раньше я позволяла себе вспоминать наше общее прошлое – те самые светлые моменты, которые у нас с Миром были. Их было много! Господи, просто миллионы. Как он держал меня за руку. Как тихо звал по имени. Как улыбался, пряча лицо у меня в волосах.

Летом Мир всегда покупал мне мороженое – обычный рожок, который как-то умудрялся довезти до дома нерастаявшим. Зимой и осенью – теплый пунш. А каждую весну покупал мне новый шарф, потому что я постоянно простывала. Теперь каждый из них заботливо был сложен на отдельную полку в шкафу – я их больше не носила. Но иногда, когда было особенно тоскливо, забиралась на подоконник, заворачивалась в один из них и долго смотрела вниз, на засыпающий город. Маркиза сидела на моих коленях, и мне казалось, что все обязательно станет лучше.

Я не боялась вспоминать Мирона. Не боялась представлять, как он бы вернулся, а я – приняла бы его. Без вопросов. Без осуждения. Просто забыв обо всем. Первое время я всерьез задумывалась о том, чтобы и самой поступить так: бросить все и отправиться к нему в Австрию. Выяснить адрес было бы не трудно – Крис вряд ли отказала мне в такой просьбе. Решиться – страшно, но возможно.

Только сначала у меня не было на это денег. Потом – времени. И в какой-то момент я поняла, что поезд ушел. Если и совершать подобное безумство – то сразу, а не по прошествии такого количества времени. Даже если бы я отправилась сразу, как закончила лечение, это все равно было бы поздно.

Поэтому я разрешила себе воспоминания. И они не причиняли мне боль по одной простой причине: я верила, что повторить их невозможно. Ведь Мирон – где-то там. А я – здесь.

А теперь я понимала, что между нами гораздо меньше, чем пара тысяч километров. Что узнать его адрес – все еще не проблема, но теперь добраться можно было за несчастные минуты. Час – если Мир поселился за городом у родителей. Одна поездка на такси или прогулка по городу. Мелочь, если подумать.

Позвонить в его дверь. Сказать, что я скучала. Признаться, что до сих пор его люблю.

Так просто, если подумать.

Но теперь еще более невозможно, чем раньше.

Потому что «тогда» у меня оставалась надежда, что Мирон меня примет. А сейчас я не сомневалась, что этого не будет.

Я помнила его холодный, пробирающий насквозь взгляд. Помнила его тихое «Забыли все, что между нами было». Знала, что это значило.

Для него все кончилось. Он не видел возможностей отыграть или вернуться назад – к тому моменту, где мы еще были счастливы. Он хотел идти вперед, и я не могла его в этом винить.

Хотела бы, да. Но не могла.

В том, что с нами произошло, моей вины было несоизмеримо больше. Это – данность, которую я никогда не смогу изменить.

Поэтому мне стоило заново учиться жить. В мире, где даже призрачной надежды больше не было.

Я понимала, что не справлюсь сама, и поймала себя на желании возобновить терапию. Но мой психотерапевт, как назло, оказался в отпуске: предстояло ждать две недели. Пришлось выкручиваться самостоятельно, а для этого я знала только один действенный способ: работать.

Обычно я готовила отчет для инвестора в конце мая, но сейчас решила перенести срок на пораньше. Несколько дней я посвятила цифрам, таблицам, диаграммам. Погрузилась в выписки, сравнения, аналитику. Засиживалась допоздна на кухне, обложившись бумагами, ноутбуком и чашками из-под кофе.

Маркиза смотрела на меня с осуждением, но терпеливо сворачивалась клубочком на диванчике рядом, а не на своем любимом месте на кровати. Ждала, пока я, с трудом держа открытыми покрасневшие глаза, доползала до спальни и падала на покрывало. И устраивалась под боком, тихо мурлыча.

Наверное, это был первый мой отчет, который я подготовила так быстро. Но, когда я уже собиралась привычно привезти его в офис Андрея Суворова, вдруг вспомнила, что там теперь обитал и другой Суворов.

Тот, который мой Мир.

Встречаться с ним я не хотела – отчаянно трусила, что в очередной раз его холодный взгляд пробьет мне грудную клетку насквозь, а эту рану я уже не смогу залечить. Поэтому я дождалась вечера, и лишь тогда набрала единственный номер в моем быстром наборе.

— Виктория! — Андрей Геннадьевич ответил после третьего гудка – я не помнила еще ни одного раза, чтобы он не взял трубку. С того самого дня, как я позвонила ему и призналась, что готова принять его помощь, он стал единственным человеком, которому я могла доверять. — Надеюсь, ты решила порадовать старика своим звонком просто так?

У нас всегда были хорошие отношения. Родители дружили – тут без вариантов. Я чувствовала, что Суворовы меня любили, но от дяди Андрея этой любви всегда получала чуточку больше, чем от его жены. Елена Альбертовна казалась мне женщиной холодной, а ее муж воспринимался улыбчивым солнышком. И даже сейчас, слыша его голос в трубке, я невольно улыбалась.

— Хотела узнать, как у вас дела, — поддержала я позитивное начало беседы. — И сказать, что у меня готов новый отчет за прошлый год.

На том конце провода раздалось тихое цоканье.

— Ты же знаешь, мне они не нужны, — кажется, в сотый раз попытался отказаться Андрей Геннадьевич, но я была неумолима.

— Они нужны мне. Скажите, когда у вас будет возможность посмотреть – я привезу.

Старший Суворов не признавал электронные документы – говорил, у него строчки в глазах сливались, поэтому мы всегда обсуждали с ним годовые итоги «Viron» при личной встрече. Возможно, об этом дядя Андрей просил только для того, чтобы удостовериться: я в порядке и больше не собиралась впадать в депрессию. Я не винила его в этом. Мне и самой не хватало живого общения, а это – прекрасная возможность чуть-чуть прикоснуться к своему прошлому. Счастливому прошлому.

— Приезжай в понедельник в офис, — привычно предложил Суворов. — После обеда, найду для тебя окошко.

— А можно не в офис? — сильнее сжимая телефон пальцами, попросила я, постаравшись не выдать охватившую меня дрожь.

Не знаю, удалось или нет – дядя Андрей всегда был на редкость проницательным, но молчал он долго. На заднем фоне я слышала играющую музыку и чьи-то разговоры – вероятно, он был на каком-то мероприятии, а тут я со своими отчетами. Как обычно – не вовремя.

— Можно и не в офис, — внезапно задорно ответил Суворов. — Сможешь в ресторан подъехать? Недалеко от твоего дома. Я скину адрес. Буду тут еще пару часов, если приедешь – пообщаемся где-нибудь в укромном уголке.

Вариант показался мне хорошим, поэтому я согласилась, а спустя пару минут уже вызывала такси. Даже наряжаться особо не стала, так и осталась в косичках, с которыми обычно ходила по дому, только костюм сменила на водолазку и джинсы. Подхватила папку, телефон и с воодушевлением отправилась на встречу.

Подвох я почувствовала в тот момент, когда увидела смутно знакомую вывеску и табличку «Закрыто на спецобслуживание» на двери заведения. Неуверенно вошла внутрь и сразу же наткнулась на девушку-хостес, которая уточнила, являюсь ли я сотрудником фирмы «Легат». Я мысленно обругала себя, рассмотрев баннер за ее спиной: детище Андрея Геннадьевича сегодня отмечало тридцать лет с даты основания. Вот что за музыка играла на заднем фоне: компания праздновала день рождения.

В этот раз дядя Андрей ответил после первого гудка, но до того, как я успела извиниться, что отвлекла, и сообщить, что мы можем встретиться позже, он уверенно бросил:

— Подъехала? Подожди минуту, я сейчас выйду.

И бросил трубку.

Я переминалась с ноги на ногу под заинтересованным взглядом сотрудницы ресторана и не могла не думать ни о чем, кроме того, был ли Мирон здесь. Ведь это фирма его отца, в которой он теперь работал – Крис ненавязчиво сообщила мне все подробности в одном из прошлых разговоров. Андрей Геннадьевич собирался уходить на пенсию, а кому еще оставлять семейный бизнес, как не сыну?

Так что да, наверняка Мирон был здесь. За стенкой. Сидел за столиком – один? С кем-то? Общался. Радовался. Улыбался.

Как бы я хотела, чтобы он сейчас вышел. И не выходил никогда.

Но вместо него через минуту появилась его постаревшая копия – с неизменной улыбкой, радостным блеском в глазах и раскрытыми объятиями.

— Молодец, что приехала! — сграбастав меня в медвежьи объятия, сообщил дядя Андрей, сразу же отстраняясь.

— Вы не сказали, что у вас тут мероприятие, — смутившись, призналась я. — Я бы ни за что…

— Даже не продолжай! — перебил меня Суворов. — Ты меня ни от чего не отвлекаешь. И раз я тебя позвал, значит, я хотел тебя видеть. Так что давай без лишних терзаний, Вик. Пошли, попробуем найти тут тихое местечко.

Все та же хостес выделила нам один из кабинетов, где мы с дядей Андреем расположились за столом. Без лишних слов мужчина притянул к себе мою папку, уверенно перелистывая страницы.

Когда он забрал меня из больницы и привез домой, Суворов замер в дверях и поинтересовался, чем бы я хотела заниматься. Он предлагал восстановиться в университете или доучиться в другом городе, готов был и без образования предоставить хорошее место в своей фирме. Или вложиться в дело, которым было бы интересно заниматься мне. Я тогда ничего ему не ответила, но через пару дней он приехал снова с пакетом продуктов и тем же вопросом.

— У тебя в клинике было много занятий, — напоминал он, попивая чай на моей кухне. — Может, какое-то из них тебе понравилось достаточно, чтобы дальше в этом развиваться?

Он был прав – от неврозов лечили разными методами. Музыкой, книгами и даже физическим трудом. Но из всего, что там предлагали, мне больше всего понравилось заниматься с растениями.

Там это называли «цветочной медитацией»: нас усаживали посреди большого зимнего сада, выдавали корзины с цветами и просили составить букет. Сначала я не понимала, какой в этом смысл, и просто складывала стебли как попало. Мне казалось, это просто способ занять руки, чтобы не думать о плохом. Но психолог, наблюдавшая за нами, однажды сказала: «Посмотри, ты берешь две розы и просто ставишь их рядом. А можешь ли ты почувствовать, как им хочется стоять? Может, одной нужно быть чуть выше, чтобы увидеть солнце, а другой – чтобы спрятаться в тени листа?»

Это звучало безумно, но в этом что-то было. Я начала прислушиваться не к голове, а к кончикам пальцев. И постепенно хаос в корзине и в голове начинал обретать порядок.

В какой момент мои композиции перестали походить на тихий ужас и стали олицетворять искусство? Я не поняла. Но мой психотерапевт, прошедший со мной все стадии лечения, однажды признался, что у меня действительно талант.

Об этом я вспоминала, когда говорила:

— Мне нравятся цветы. Кажется… у меня получаются красивые букеты.

Тогда я не знала, что спустя неделю Андрей Суворов вернется ко мне с предложением попробовать открыть свой цветочный бутик. Он принес мне готовый бизнес-план, но сразу предупредил, что мне придется всем заниматься самой. Он дает деньги и возможность, но остальное – с меня.

Я согласилась скорее от безысходности, чем действительного желания, но, когда он ушел, а я погрузилась в изучение бумаг, идея медленно разгорелась во мне до состояния пожара.

Мне пришлось многому учиться и многое познавать на собственном опыте. Хватало и ошибок, и неудач. Но Андрей Геннадьевич во всем меня поддерживал, а когда я бездарно слила деньги на аренду, не проверив арендодателя, а тот меня обманул, Суворов просто перевел мне новую сумму и посоветовал хорошего адвоката.

— Не жалей денег на свое дело, Вика, — говорил он мне тогда. — В данном случае экономия не сработает. Порой лучше переплатить, но спать спокойно, чем сохранить что-то, а потом потратить в два раза больше.

Я запоминала не только его советы, но и все те суммы, которые Суворов в меня вложил. Колоссальные суммы, которые я сразу пообещала ему вернуть, как только это будет возможно. Дядя Андрей, конечно, отказывался, но я стабильно раз в месяц переводила ему часть прибыли. Да, это смешные цифры по сравнению с долгом. Но я чувствовала, что это правильно. А он мне позволял.

— Мне кажется, или в прошлом отчете вот эти цифры были ниже? — ткнув пальцем в одну из диаграмм, поинтересовался Суворов.

— Я сменила поставщика, — тут же пояснила я. — Он больше берет за доставку, но его цветы всегда доезжают свежими, как будто их только срезали. Из-за этого продажи выросли, а количество брака – снизилось.

— Умница, — совершенно искренне улыбнулся мне дядя Андрей. — Даже не сомневался, что ты справишься. И особенно порадовался, когда увидел твои букеты в оформлении ресторана сегодня.

Меня вдруг осенило: вот откуда название заведения показалось мне знакомым! Не так давно они заказали у нас цветочное оформление сразу нескольких банкетов.

— Если бы я знала, что это для вас, сделала бы скидку, — честно призналась я.

— Я у тебя ничего не заказывал, — подмигнул мне Суворов. — Мы оплачивали банкет под ключ, и я рад, что за цветами ресторан обратился именно к тебе. Растешь, фрау Рихтер.

Я смущенно улыбнулась, откидывая косички за спину. Он прав: бизнес, задумывавшийся как побег от реальности, действительно рос, а вместе с ним росла и я. Не только как предприниматель, но я как человек, который верил в свои силы. Впервые я занималась тем, что мне нравилось, и это дело приносило не только удовольствие, но и прибыль.

Мне было чем гордиться. И я гордилась.

— У тебя много заказов из области, — уже на другой странице с анализом клиентов акцентировал внимание Суворов. — Не хочешь открыть новые филиалы?

— Я думала об этом, — призналась ему. — Но пока не уверена, что морально готова к такому шагу.

Впрочем, это неплохая возможность хотя бы на время сбежать из города, где теперь жил Мирон.

Дядя Андрей покивал на мои слова, но переубеждать не стал. Он никогда не давил, только направлял или раздавал бесплатные советы – очень ценные.

— Если надумаешь, я помогу, — заявил он.

Пару лет назад я бы категорично отказалась. Но сейчас… сейчас я думала не как гордая девочка.

— Я посчитаю все и приду.

Оставшиеся бумаги Суворов просматривал в тишине, внимательно скользя взглядом по строчкам. А когда закрыл папку и придвинул ее ко мне, на его лице светилась привычная улыбка.

— Вижу, что мои вложения не пропали даром, — именно этой фразой заканчивал он каждую нашу встречу.

А я отвечала одно и то же:

— И я верну их вам до последней копейки.

Это уже что-то вроде нашей личной шутки, но с большой долей правды. Если мои дела и дальше будут идти так же, я смогу закрыть долг за два с половиной года. Но если действительно соберусь расширяться… возможно, возвращать остаток суммы мне придется уже другому Суворову.

Мы еще немного обсудили мои бутики, а после я засобиралась домой.

— Уверена, что не хочешь остаться? — уточнил Андрей Геннадьевич, когда я уже поднялась на ноги. — Я приглашаю.

— Спасибо, дядя Андрей, но я пас.

Я постаралась, чтобы мой отказ не звучал грубо или резко, но Суворов вдруг растерял все свое добродушное настроение и спросил в лицо:

— Из-за Мирона?

Я вздрогнула и сглотнула, что не осталось незамеченным: отец Мира раздосадованно покачал головой.

— Вика, вам надо поговорить, — заявил он тоном, не терпящим возражений.

— Мы поговорили пару дней назад, — призналась я, лишь бы закрыть эту тему.

— Очевидно, не о том, раз ты шугаешься от одного только имени, а мой сын выглядит так, словно его поезд переехал.

Пришлось прикусить язык, чтобы вопрос, уже готовый сорваться с губ, остался внутри. Я не должна интересоваться, почему Миру плохо. Это не обязательно должно быть связано со мной – у него может быть целый миллион причин для плохого настроения или самочувствия. Куда более актуальных причин, чем невеста-предательница.

— Я пойду, Андрей Геннадьевич, — в итоге выдавила из себя, опуская дверную ручку. — Спасибо за встречу, и поздравляю с юбилеем компании.

Он что-то ответил, но я не расслышала: прижала к себе папку посильнее, вызывала такси и, уперевшись взглядом в ковер под ногами, двинулась на выход. Я не должна была об этом

думать, но… думала, конечно. Невозможно не думать о самом важном человеке, который страдал. Даже если страдал он не из-за меня. Или наоборот – из-за меня.

Все, чего я хотела, это чтобы Мирон был счастлив. Раньше думала, что смогу сделать его таким, но теперь… теперь признавалась, что не справилась. И искренне желала ему того же счастья с кем-то еще.

Да, причиняя этим боль себе. Но лучше страдать буду я, чем он.

Я к этому привыкла. Справлюсь. У меня есть кошка и запись к психотерапевту через две недели. А этого вполне достаточно.

Но этого оказалось катастрофически мало, когда выступившая из-за угла фигура преградила мне путь, а я в очередной раз не успела уклониться.

Я еще не подняла глаз, а уже знала, кого перед собой увижу. Потому что эта дрожь по телу, это сбившееся дыхание и сошедшее с ума сердце всегда реагировали подобным образом только на одного человека в моей жизни.

Я замерла. Застыла. Я так не хотела его видеть, чтобы не раниться еще больше. Я так хотела его видеть, потому что уже была ранена достаточно. Но сейчас… мне потребовались все свои силы, чтобы посмотреть Миру в лицо.

Какой же он красивый. И уставший. Его отец был прав: выглядел Мирон неважно. Круги под глазами, щеки слегка впали. Взгляд… потерянный. Или сумасшедший, я так и не поняла.

Кончики волос влажные. Галстук ослаблен. Воротник рубашки чуть загнулся, хотелось его поправить – аж кончики пальцев сводило. Пиджак расстегнут.

Как же Мирону шли костюмы! И как он не любил их в детстве. Ходить на занятия в форме для него было настоящей пыткой, и он с радостью являлся бы в гимназию голым, чем в брюках и рубашке. Галстук и вовсе называл удавкой и вечно получал выговор за то, что не носил его.

В один из дней он возмущался особенно сильно, заворачивая рукава до локтя. А я поправляла ему воротник и честно призналась в том, что давно крутилось в голове.

— А мне нравится, как на тебе сидят рубашки. Сразу хочется затащить в постель и сорвать с тебя все.

Это было задолго до того, как мы впервые переспали. Но желание… оно не спрашивало про возраст или планы. Оно просто было.

С тех пор Мирон не носил рубашки только дома. А я всегда таяла, когда видела своего делового Мира в костюме.

Таяла и сейчас. Потому что именно таким я его и помнила. Без холода в глазах. Без ядовитых фраз. Близкого. Родного. Целующего меня так, что мир кружился перед глазами.

Только когда папка выпала из моих ослабевших рук, я поняла, что мне это не кажется. Что не было никакой интрузии, не было никакого флешбэка. Был Мир – мой Мир.

И его губы на моих губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.